

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ В НИКУДА

по следам
громких дел



ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА



По следам громких дел

Татьяна Степанова
Светлый путь в никуда

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степанова Т. Ю.

Светлый путь в никуда / Т. Ю. Степанова — «Эксмо»,
2019 — (По следам громких дел)

ISBN 978-5-04-100048-6

Криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области Екатерина Петровская вместе с полковником Гуциным становятся участниками расследования жестокой расправы над семьей знаменитой писательницы Клавдии Первомайской. «Последнего великого детского классика» убили накануне ее столетнего юбилея вместе с дочерью и внучкой на даче в известном поселке отечественной интеллигенции «Светлый путь». Кате и полковнику Гуцину предстоит распутывать мрачный клубок тайн, которые всю жизнь окружали неоднозначную личность Первомайской, сочинявшей стихи и сказки для детей и одновременно написавшей десятки доносов во времена СССР. Что же стало причиной столь бесчеловечного преступления? И кто был главной целью убийцы – сама ли столетняя писательница или кто-то из ее близких?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100048-6

© Степанова Т. Ю., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	31
Глава 8	39
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Татьяна Степанова

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ В НИКУДА

*Избушка – зимовье во мраке лесном:
Замшелая крыша, свет солнца и тени.
И котик сказал: «Братицы, мяу, наш дом!
Нашли, что не ждали. Такое везенье!
Все вместе так славно,
так дружно мы здесь заживем!»*

*Клавдия Первомайская.
Детская пьеса «Зимовье зверей» Действие 1.*

Глава 1

Оттепель

Внуково. 2 июня 1964 г.

Соловей в кустах белой сирени пел так, что они невольно остановились, заслушались.

– Как в сказке Андерсена, Клавдия Кузьминична.

– Андерсен – выдумщик, Фирочка. Соловей призывает самку для продолжения рода. Это естественный отбор. Ему дела нет ни до сказок, ни до смерти, ни до нас с вами. Фирочка, а вы эмоциональны и чувствительны, да?

– Я не знаю, Клавдия Кузьминична. Да нет. Просто чудо как поет соловушка.

Две женщины – зрелая и юная – неторопливо шли по освещенной дачной улице мимо заборов из штaketника, за которыми в пышных садах либо в девственном сосновом лесу скрывались большие дачи. Теплый погожий июньский день сменился столь же теплым ясным вечером. На дачах текла своя особая вечерняя жизнь, присущая лишь этому месту, этому удивительному, окутанному легендами дачному поселку.

Звуки джаза... Откуда-то издалека, со стороны «Московского писателя». Причем джаз – настоящий, играет у кого-то на огромной веранде, полной гостей.

Песня из новомодного транзисторного приемника «Легко на сердце от песни веселой»...

Смех... Развеселый пьяный гомон: «Дорогому юбиляру – лауреату! Гип-гип, ура!»

А с участка напротив – гром семейного скандала: «Ты обращаешься со мной как с домработницей! Я не буду этого терпеть! И постоянно третируешь мою маму! Звони в гараж, вызови мне машину! Мещанин и деспот! Я уезжаю, ухожу от тебя! Я актриса Московского Художественного театра, а ты – ничтожество!»

И снова – звуки джаза...

«Моя Марусечка, моя ты душенька»...

Двадцатипятилетняя Фирочка – Эсфирь Кленова оглянулась через плечо на путь, который они проделали от своей дачи: аккуратная, освещенная фонарями аллея. Вот он, этот самый «Светлый путь». Поэтому поселок так и назвали когда-то – «Светлый путь». А впереди знаменитая «канавка» – узкая речушка, заросшая осокой, и деревянный горбатый мостик – граница, разделяющая поселки «Светлый путь» и «Московский писатель».

Эсфирь восторженно созерцала и канаву, и мостик, и пышные кусты персидской сирени с их волшебным ароматом, и свою спутницу и *работодательницу* Клавдию Первомайскую – знаменитую детскую писательницу, чьи стихи про пионеров она знала наизусть со школы, как и все дети Советской страны.

Клавдии Первомайской исполнилось сорок пять, и она была на восьмом месяце беременности. Грузная брюнетка, во время беременности она чудовищно прибавила в весе и сейчас медленно брела, точнее, плыла по «светлому пути» дачной аллеи, придерживая руками складки муаровой персидской шали на огромном выпуклом животе, обтянутом домашним платьем. Ноги ее во время беременности отекали и распухли. И она еле втискивала их в разношенные дачные туфли, у которых отрезали задники. Но лицо ее было прекрасным – возможно, некрасивым по жизни, лишенным шарма, но прекрасным, излучающим особый свет, как лица всех беременных женщин на последних сроках. И Эсфирь восхищалась ею.

Она работала у Первомайской всего лишь два месяца. Та взяла ее к себе вместо прежнего литературного секретаря, о котором – молодом выпускнике Литинститута – ходили лукавые и злые сплетни. И Эсфирь все это время чувствовала себя так, словно она сама оказалась в сказке, удивительном мире.

На деревянном мосту они снова остановились. Клавдии Первомайской потребовался отдых. Она зорко всматривалась в даль освещенной дачной улицы.

– Побежал, побежал, побежал, побежал. Ишь ты, – указала подбородком на мужчину, выскочившего из калитки, словно чертик из табакерки. – В магазин до закрытия хочет успеть. Водки гостям не хватило. Кто это? Из Малого театра, что ли? Вроде нет. Корифей... Корифеи наши, Фирочка, пьют, как буденновские кони.

Мужичок скрылся за углом.

– Я Ильинского видела в магазине вчера, – восторженно пискнула Эсфирь, – в ковбойке! В кедах! Вермишель покупал и вино грузинское. Я... я чуть в обморок не упала. Мне девчонки не поверят. Мы «Карнавальную ночь» смотрели семь раз в кино!

– А, эта фильма... Говорят, с нее все и началось. Это самое – как сейчас окрестили «оттепель». – Клавдия Первомайская усмехнулась: – Вся эта **вакханалия**.

Звуки живого джаза с дальнего участка...

– Это у Дунаевских играют? – спросила юная Эсфирь.

– Это? «Лимончики»? Нет... Исаак... Дуня жил ближе к Абадуrowo. Там теперь тихо стало, как в могиле. Да и раньше, перед его смертью, тоже все затихло. Он сильно переживал. Слышали ту историю?

– Дикие слухи ходят, Клавдия Кузьминична.

– И все вранье. Как и про меня... Это, Фира, у Ленчика играют.

– У Ленчика? Вы имеете в виду...

– Утесова. Дает жару. Никогда не унывает. Сходите как-нибудь днем, посмотрите на его дачу через забор. Напишите потом в конце жизни мемуары. Как люди умели устраиваться даже при Сталине. А меня еще упрекают. Эта старуха из Комарово – она тут, говорят, заявила – мол, «пишут плохие книги и строят большие дачи». Это она про меня. В мой огород камешек.

Интеллигентная умница Эсфирь при упоминании «Комарова» поняла, что Первомайская говорит об Анне Ахматовой. И таким едким тоном.

– Фира, я надеюсь, что вы будете у меня работать долго. Очень бы этого хотелось. Так вот. Вам обо мне расскажут много всего очень плохого. Сейчас время такое. Оттепель... Вседозволенность... Клевету поощряют... Клевету, поклеп на некогда заслуженных людей. То письмо, что опубликовали, которое я Сталину написала... Читали статью?

– Читала, Клавдия Кузьминична. Но я...

– Нет, ничего пока не говорите. И хорошо, что признались. Значит, вы в курсе, какое ко мне теперь отношение. И в самиздате еще не раз прочтете. Разные там мемуары, воспоминания про «большой террор» и про меня. А мне тогда было восемнадцать лет. Когда вы родились, Фирочка, я сидела в «Крестах». И я потеряла своего первенца там, – Первомайская руками обхватила свой необъятный живот. – Нет, нет, снова ничего не говорите. Слушайте. Я когда-

нибудь расскажу вам всю правду. Как оно все было на самом деле тогда со мной. Когда мы лучше узнаем друг друга. И я поверю в вас.

– Клавдия Кузьминична, я... Я всегда... не сомневайтесь!

– Соловей-то все поет. Ишь, разбойник, – Первомайская двинулась по «светлому пути» дачной аллеи в «Московский писатель», ведя за собой ошеломленную Эсфирь. – И джаз утесовский ему не помеха. Мне бы тогда эту птичку-певунью, когда я смерть вот как вас видела. Нет, не прилетел ко мне соловушка. Это все лживые сказки, Фирочка. Добро редко побеждает зло. А вы, девочка, наверное, здесь у нас на больших дачах себя как в кино чувствуете?

– Да, Клавдия Кузьминична! Я поверить не могу, что все эти люди... Артисты, писатели...

– Босоножки какие у вас миленькие. Синенькие. Импортные?

– Чешские. С подругами четыре часа в ГУМе в «Обувь» стояли.

– Надо вас приодеть.

В этот момент на перекрестке дачной аллеи остановилась «Волга» – такси. Из него вышла худенькая невысокая женщина в прекрасно сшитом, явно заграничном костюме из твида, с изящной сумочкой в тон светлых туфель. Пожилая, но такая вся из себя...

Эсфирь снова восторженно ахнула и, забыв о приличиях, толкнула Первомайскую локтем.

– Это же сама... Я сплю?!

По дачной улице от них удалялась Любовь Орлова. Она видела Первомайскую, но не кивнула ей, не поздоровалась – напротив, как-то суетливо и быстро отвернулась. И даже хотела вроде как снова сесть в такси, но машина уже разворачивалась.

Орлова шла по дачной улице. Клавдия Первомайская смотрела ей вслед.

– Как простая. На такси после спектакля в Моссовета. Скромненько так, ненавязчиво... Чтобы личного шофера не заставлять долго ждать. Чтобы в театре потом судачили – какая она демократичная баба. Как заботится о своей прислуге. Вот уж кто, Фирочка, вечно лицемерил. Лжет и роль играет даже тогда, когда ее никто не видит. Остановилась не у ворот дачи, а здесь, у канавы – вечерний моцион перед сном. Вечная молодость. Она помешана на этом. А самой уж на седьмой десяток. Меня с той самой публикации в газете в упор не видит. А ей ли меня презирать? Вот уж кто служил, так служил власти. И лично Ему. Усатому. Сколько она для его славы сделала, никто не сделал. И всегда знала, с какой стороны хлеб маслом намазан. А сейчас, в **оттепель**, – лицо Первомайской скривилось от отвращения, – вроде как и они с муженьком-режиссером ни при чем. Словно и не было фильма «Светлый путь» и пропаганды борьбы с врагами народа. Поселок-то наш в честь этого фильма назвали. Фактически строили для нее. И там, наверху, хотели, чтобы она жила здесь, в «Светлом пути», а она не захотела. Они дачу за канавой построили, в «Московском писателе». Игнорирует меня. Ничего. Я не в претензии. Может сколько угодно тешить гордыню – в одном она никогда не сравнится со мной. В этом – самом главном, – Первомайская нежно и любовно погладила свой живот. – У нее никогда не было детей. А у меня будет ребенок. Пусть я выгляжу как толстая старуха в свои сорок пять, но я ребенка рожу. Думаю, это будет девочка... меня наизнанку токсикоз выворачивал пять месяцев – говорят, это потому, что девчонка там внутри. И я буду ее очень любить. Я себе давно еще поклялась, Фирочка. Я буду очень любить своего ребенка. А у этой вашей Любви Орловой, попомните мои слова, все, все расточится в прах. И эта ваша **оттепель** – она не надолго. Этой оттепели конец скоро – все признаки налицо. Суд-то этот в Ленинграде над мальчишкой-тунеядцем, что возомнил себя поэтом от бога... Как фамилия-то его... Бродский, что ли? Так вот суд – это знак. То время уже прошло. Наступают новые времена. И мы еще посмотрим, Фирочка...

А юная Эсфирь в этот миг смотрела на удаляющуюся Любовь Орлову. Она слышала слова своей работодательницы смутно.

В свои двадцать пять она старалась пропускать все это мимо себя. Мимо ушей. Все это казалось таким неважным. Таким старомодным. Несовременным.

Ее больше занимало – кого из великих знаменитостей она еще сможет встретить здесь, на аллеях «Светлого пути» и «Московского писателя». Она полагала, что вытянула по жизни свой счастливый билет.

Глава 2 «Светлый путь»

13 сентября. Внуково. Наши дни

Первое тело они увидели в гостиной. Женщина лежала на боку на ковре у дивана в странной, словно «сломанной» позе – одна нога согнута, поджата, другая вытянута, руки широко раскинуты, словно в агонии она пыталась поползти, но сил не хватило.

– Это ее дочь, – сказал эксперт-криминалист. – Три огнестрельных ранения: в спину в области левой лопатки, в плечо сзади и в затылок. Стреляли сзади с расстояния в два-три метра, скорее всего, от дверей. Она, возможно, даже не успела увидеть убийцу.

Полковник Гушин стоял посреди гостиной. Оглянулся на дверь – за ней большая терраса с садовой дачной мебелью. Именно там, на террасе, были те двустворчатые старые, почти антикварные, белые двери – взломанные, выбитые снаружи. На которые все в опергруппе обратили особое внимание.

Катя – Екатерина Петровская, криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области – к телу не приближалась, ей одного хотелось – выбраться из этого дома как можно скорее. Но осмотр только начался. И она ведь сама изъявила желание приехать сюда, во Внуково, в этот знаменитый дачный поселок, в погоне за громкой сенсацией.

И вот эта громкая сенсация накрыла ее с головой, как волна – удушьем и спазмом, тошнотой и страхом.

Катя радовалась лишь одному – крови в гостиной мало. Такие чистые огнестрельные раны. Но она не знала, что ждет ее в других комнатах этого страшного дома.

А начиналось все так необычно и позитивно.

Еще вчера – в пятницу – в обеденный перерыв в Главке шеф криминального управления полковник Гушин вдруг позвонил Кате на мобильный и попросил зайти. Они давно не виделись. По главковским сплетням Катя знала, что Гушин брал двухнедельный отпуск не для поездки на отдых, а в целях окончательного оформления развода с женой, с которой не жил уже много лет, имея взрослого сына на стороне. Однако во вторую семью к старинной любовнице после развода полковник не откочевал, предпочтя новый, уже абсолютно свободный холостяцкий образ жизни в недавно купленной квартире где-то в спальном районе. Обо всем этом взахлеб сплетничали в Главке. И Кате, конечно же, было интересно.

Считается, что в принципе дружба между сотрудником Пресс-службы – полицейским журналистом и сотрудником уголовного розыска, тем более такого высокого ранга, как шеф криминального управления в чине полковника полиции, – невозможна. Это как лед и пламень, коса и камень.

Но так уж сложилось, что полковник Гушин принял дружбу с криминальным обозревателем как некий своеобразный талисман успешного раскрытия сложных дел. Что он на самом деле думал обо всем этом, для Кати вообще оставалось загадкой. Но она была счастлива и горда дружбой и доверием и не задавала каверзных вопросов по этому поводу. Их с Гушиным связывало такое множество дел, столько странных историй, что она стала рассматривать всю эту необычную ситуацию как нечто само собой разумеющееся.

И на этот раз, когда Гушин позвонил и попросил зайти, Катя подумала – может, что-то по старым делам, какие-то новости. Потому что в сводке происшествий за пятницу и прошлые дни не было ничего интересного, обычная рутинка.

Но полковник Гушин, когда Катя зашла в его кабинет, пристально и как-то вдохновенно разглядывал черно-белую картинку в своем смартфоне. А на картинке британский полицей-

ский самозабвенно и отчаянно показывал средний палец и зрителям, и неласковому окружающему миру. Полковник Гуцин задал парадоксальный для начальника криминального управления уголовного розыска вопрос:

– Катя, здравствуй. А кто такой Бэнкси?

Катя отметила, что за скорбные дни развода толстый Гуцин сбросил пару-тройку кило. Осунулся. И вроде как помолодел?

– Федор Матвеевич, это знаменитый уличный художник. Стрит-арт. Загадочная личность. Выставку его привезли в Дом художника.

– А ты завтра что делаешь? В смысле, ты завтра свободна?

– Я? – Катя с нарастающим интересом созерцала шефа криминального управления. – Вообще, да. Я утром бегаю в Нескучном саду, потом отдыхаю.

– Своди меня на этого Бэнкси завтра, а? Расскажешь мне про него, – Гуцин все любовался на британского копа, показывающего средний палец миру и обществу.

– Стебная картинка, Федор Матвеевич.

– Прямо в точку. По настроению. Ну, так как насчет выставки завтра?

– Легко.

И они пошли на выставку Бэнкси в субботу к самому открытию Дома художника с утра пораньше. О, если бы только об этом узнали главковские сплетники!

В темных залах среди великолепных и загадочных инсталляций стрит-арта грузный полковник Гуцин поначалу был не в своей тарелке. Но потом освоился. Искусство провокатора и бунтаря Бэнкси явно чем-то зацепило его суровую полицейскую душу. Отчаянным ли жестом британского копа в черном шлеме, или, может, образами «силовиков» из спецназа, укомплектованных, как робокопы, но с жизнерадостными улыбающимися «смайликами» вместо лиц. А может, Крысами... Крысами, которыми одержим художник Бэнкси, видящий в них и посланцев ада, и ангелов грядущих новых времен.

Катю и саму захватили инсталляции, но больше всего ее поражал Гуцин. И она гадала – новую ли главу своей жизни пишет шеф криминальной полиции, или же открывает в душе своей какие-то тайные уголки, которые долго, долго, долго были загадкой для него самого.

Именно на выставке Бэнкси в Доме художника их и застал звонок из дежурной части Главка. Катя увидела лишь, как снова изменилось лицо Гуцина. Он махнул ей и быстро пошел через темные, причудливо подсвеченные залы к выходу.

– Что случилось, Федор Матвеевич? – Катя еле поспежала за ним.

– Убийство. Семью убили во Внуково.

– Семью?

– Три трупа в доме в поселке «Светлый путь», на даче. Этот поселок смежный с «Московским писателем».

– Что за семья? – спросила Катя, предчувствуя глобальную сенсацию.

– Клавдия Первомайская. И ее дочь и внучка.

– Клавдия Первомайская? Та самая? Детская писательница?

Гуцин уже спускался по лестнице в фойе Дома художника.

– Федор Матвеевич, но она же... Ей же ведь сто лет вот-вот!

– Скандал уже несколько месяцев кипит, я и читал, и слышал – стоит или не стоит отмечать ее столетний юбилей. Так вот, должны были торжественно отметить на государственном уровне в этом сентябре, и не где-нибудь, а в Большом театре. С помпой. А теперь ни юбилея, ни театра. Их там всех прикончили, в доме. Местные сотрудники уже прибыли. За мной машина сейчас придет.

– Федор Матвеевич, возьмите меня с собой туда! Пожалуйста! Это же... это же неслыханная сенсация.

– Да. И ты поедешь. Туда уже все ринулись – и телевидение, и газетчики. Ты напишешь с моих слов краткий релиз для прессы.

– Это моя работа. Конечно, напишу, что скажете. Но почему мы – область? Это же Внуково – Москва должна этим заниматься, Петровка! «Московский писатель» – поселок знаменитый, и это территория Москвы. Москва там все давно забрала у Видного – все окрестности.

– Дом Первомайской в поселке «Светлый путь», поселки граничат, по сути, это одно поселение, разделенное по канаве. Но территориально это разные участки. «Светлый путь» до сих пор числится в составе Ленинского района области. Поэтому едем туда работать мы, областной Главк.

Катя как-то немного даже растерялась от обрушившихся на их головы событий. И всю дорогу в этот самый «Светлый путь» никак не могла собраться, сконцентрироваться.

А когда они зашли в ЭТОТ ДОМ с концентрацией стало вообще из рук вон плохо.

Одно лишь запомнилось четко – они въезжали через «Московский писатель», и она буквально прилипла к окну гущинского джипа, пытаясь увидеть все сразу: легендарные дома, дачные аллеи, улицы, конечно же, дачу Любви Орловой и Александрова, Сергея Образцова, Исаака Дунаевского, Василия Лебедева-Кумача, поэтов-песенников, артистов, писателей.

Она увидела лишь огромные глухие заборы, багрянец рябины, желтизну раннего листопада, облезлые подстриженные кусты вдоль канавы, снова глухие грандиозные заборы и среди сосен – что-то белое, большое, похожее на корабль.

– Кажется, дача Утесова, а впрочем, я не знаю, может, и не она, – сказал Гущин. – А в остальном мертвый пейзаж. Сплошное огораживание.

И Катя согласилась. «Московский писатель» встретил их ватной тишиной сентябрьского дня, почти иррациональной тишиной и глухим безлюдьем. Никакой границы между поселками она тоже не увидела – видно, та знаменитая речка-канавка осталась где-то в стороне, как и дачи Любви Орловой, «веселых ребят» и Дунаевского.

Снова начались глухие высоченные заборы, а потом разом – скопище полицейских машин с мигалками, сотрудники местного УВД, ребята из ГИБДД, перекрывшие улицу, ведущую к дому Клавдии Первомайской. А по всему периметру ограждения еще одно скопище машин – трейлеры телевизионных каналов с тарелками на крышах, редакционные «минивэны», полные журналистов, операторов, фотографов. Камеры, микрофоны на длинных «держалках», гомон и крики толпы журналистов, через которую они с Гущиным буквально продирались в сопровождении оперативников.

Забор дома Первомайской тоже был глухим и высоким, но имел секрет, как выяснилось при осмотре участка размером в гектар. Задняя часть участка, представлявшая собой густые лесные заросли, упиралась в заросший косогор. И забор здесь был намного ниже, чем тот, что огораживал участок со стороны дачной улицы. Этим, видно, как объявили эксперты-криминалисты, и воспользовался убийца, перебравшись на участок. Потому что внешняя калитка запиралась на внутренний замок, как обычная входная дверь. И калитку не взломали.

Но все это выяснилось гораздо позже. А поначалу все их внимание привлекли тела.

Итак, первое тело женщины возрастом глубоко за пятьдесят – тощей жилистой блондинки с жидкими крашеными волосами до плеч, облаченной в шелковый модный комбинезон от «Дольче Габбана» с леопардовым принтом, – лежало в большой гостиной между диваном и камином.

– Это ее дочь Виктория Первомайская, – повторил Гущин вслед за экспертом-криминалистом. – Она жила вместе с матерью здесь во Внуково.

– Вообще-то она Первомайская-Кулакова по паспорту, – сообщил один из оперативников, занимающихся обыском дома и поиском улик. – Мы паспорта нашли всех троих. Сама Первомайская тоже Кулакова. А это ее литературный псевдоним.

В гостиной стоял невыветрившийся запах сигарет и алкоголя. На журнальных столиках у диванов, на сервировочном столике на колесиках, на комодке среди множества фотографий и даже на каминной полке выстроилась, как в баре, целая батарея початых бутылок с дорогим алкоголем – ром, джин, коньяки, бренди, виски. Тут же старинные хрустальные графины.

Бокал валялся и на полу у дивана. Словно дочь Первомайской по имени Виктория в момент нападения убийцы пила свой последний вечерний коктейль.

– Чем это здесь так пахнет? – поморщился Гуцин.

К запаху алкоголя и крови (пусть ее было и немного на турецком ковре, но она пахла) примешивался сладкий аромат духов.

– *Ex Nihilo*, Федор Матвеевич, – сказала Катя, собрав всю себя, давя в себе тошноту и липкое какое-то чувство полной незащитности, которое она испытала в этом старом знаменитом доме. – Модная и очень дорогая марка. Мне кажется, она раздевалась в тот момент, когда... Смотрите, спереди на комбинезоне все пуговицы расстегнуты, и он с плеч стянут. Она сидела на диване и раздевалась...

– И пила. А под этой ее шелковой штучкой бюстгалтера нет, – Гуцин наклонился над трупом. – Посмотрите, есть ли нижнее белье, в смысле, трусы. Отметьте это в протоколе осмотра.

Эксперты суетились возле тела. На кисти Виктории Первомайской надевали специальные пакеты, фотографировали тело с разных ракурсов, снимали осмотр на видео. Из глубины дома слышалась та же деловитая суэта.

– Внучка Анаис... имя у нее такое редкое – Анаис Первомайская-Кулакова, она на кухне, Федор Матвеевич. Там все разгромлено, – сообщил начальник УВД.

Но Гуцин направился не на кухню. Сначала он пошел на террасу и начал осматривать те самые старые белые двустворчатые двери.

Терраса выходила окнами во фруктовый сад – заросший и запущенный, как в общем-то и весь громадный участок, за исключением маленького пятка перед домом у калитки, выложенного потрескавшейся плиткой. Старая терраса дома с окнами-переплетами. Стекло одной из секций выбито снаружи внутрь, и нижний шпингалет на окне открыт, а верхний просто оторван с невероятной силой.

– Из сада забрался через окно на террасу и выбил эти двустворчатые двери, – объяснял эксперт-криминалист, показывая варварские следы взлома на белой крашеной древесине. – Так и проник в дом с улицы. Семья была в доме. Работал телевизор. Это и сиделка показала, которая утром вызвала полицию.

– Давность смерти? – спросил Гуцин.

– Не более двенадцати часов. Их убили где-то между десятью и одиннадцатью часами вечера. Никто из них еще и спать не ложился. Все бодрствовали.

Гуцин внимательно осматривал следы взлома на дверях террасы. Он был мрачен.

– А следы?

– Земля на подоконнике и на полу. И здесь, у дверей. Мы взяли образцы. И из сада тоже образцы. Но и так все ясно. Убийца вошел в дом здесь. Входная дверь у них новая, с двумя замками. И там все заперто было изнутри. И даже цепочка накинута.

Катя вспомнила, как они с Гуциным осматривали эту входную дверь в прихожей. Да, крепкая дверь. Таковую не взломаешь.

– Какой смысл там все укреплять, а здесь на террасе оставлять это старое гнилье? – Гуцин постучал по двустворчатой двери.

– Дом-то очень старый, – заметил начальник УВД. – Первомайская построила его в пятидесятом году. Говорят, ей сам Сталин подарил этот участок здесь, в «Светлом пути». Как лауреату его же, Сталинской премии.

Катя оглядела террасу. Да, старый дом. Пусть снаружи и обшит новомодным белым сайдингом, и ремонт внутри делали, и сантехнику меняли. Но дом стар и дряхл. И это лезет из

всех щелей – его деревянное нутро. Очень много старой антикварной мебели, явно купленной еще в советских комиссионках, когда творческая интеллигенция покупала павловские кресла и диваны из карельской березы, старинные столы, консоли, тумбочки, хрустальные люстры с подвесками. Новая современная мебель как-то теряется на старом фоне и явно проигрывает.

– Ладно, осматривайте тут все, фотографируйте. А мы пойдем глянем на остальных. – Гущин обернулся к Кате: – Релиз для журналистов составишь очень краткий. Никаких фактов, никаких подробностей. И про эти двери тоже молчок.

– Я поняла, Федор Матвеевич. Как скажете.

На кухне они увидели внучку Анаис. И Катя подумала, что не забудет этого зрелища до конца жизни. Но еще более ужасное зрелище ждало ее в кабинете, который они осматривали последним.

А на кухне действительно царил разгром. Стулья обеденного стола были все опрокинуты. И тело двадцатипятилетней девушки словно пряталось между ними, как и тело ее убитой матери.

– И здесь три огнестрельных ранения. Но здесь стреляли дважды в грудь и один раз в голову. И она, в отличие от матери, видела стрелявшего, – сказал начальник УВД.

Катя на ватных ногах приблизилась к телу Анаис.

Такая молодая. Рыжие густые волосы – прекрасные волосы русалки, разметавшиеся по кухонному полу, но в остальном...

Анаис Первомайская-Кулакова была полной девушкой. Килограмм восемьдесят, не меньше. Массивные бедра, пышная грудь, складки, складочки. Катю поразили ее широко раскрытые светлые глаза. Висок был раздроблен пулей. И эти маленькие дырочки с запекшейся кровью на груди слева, в области сердца, куда убийца всаживал выстрел за выстрелом... И опять – крови мало.

Анаис была одета по-домашнему – в серые фланелевые хлопковые брюки и розовую толстовку с капюшоном «Хэлло Китти». Улыбающаяся кошечка на пышной груди, страдальческая гримаса боли на юном лице с белой, гладкой, усеянной веснушками кожей.

– Внучка пыталась убежать, скрыться на кухне, – сказал эксперт. – Убийца шел за ней, стрелял. Все выстрелы тоже с близкого расстояния. И тут гильз полно, как и в гостиной. Убийцу гильзы не озаботили. А это означает одно: оружие не числится в нашем банке данных. Это новый ствол. И убийца это прекрасно знает, потому и не боится оставлять улики.

– Гильзы от чего? – спросил Гущин.

– «Беретта». Но там есть нестыковка. В любом случае – это пока так, навскидку, чисто визуально. Баллистическая экспертиза даст точное заключение.

– Мне надо все детально про трасологию. Всю трасологическую схему. И осматривайте здесь каждый метр. Может, не три выстрела, а больше, может, он или она промахивался, когда стрелял, стреляла, – Гущин опустил на колени рядом с девушкой. – В грудь. А потом в голову. Убийца ее добивал. Или не был уверен... Не профи. Слишком много выстрелов. А что там с самой Первомайской? Сколько раз стреляли в нее?

– В этом-то и главная странность, Федор Матвеевич, – после небольшой паузы объявил эксперт-криминалист. – И мы пока не понимаем, не можем объяснить то, что нашли.

– Где Первомайская?

– Ее тело в ее рабочем кабинете. Там... там что-то из ряда вон. Я такого никогда не видел.

Глава 3 «Зимовье зверей»

Кабинет поражал взор застывшей во времени классикой обстановки – словно время перенеслось в пятидесятые годы, вернув в моду тяжелые дубовые стеллажи, зеленую лампу на мраморной подставке, кожаный черный диван у окна, массивный письменный стол с бронзовой чернильницей в виде кузнечной наковальни с молотом, окруженной венком из колосьев пшеницы. Огромный светлый кабинет наполняли книги, книги – все это были издания детских стихов Клавдии Первомайской разных лет в красочных обложках, сборники ее детских пьес, среди которых особо выделялась одна – та, что принесла ей громкую славу в самом начале писательского пути, – пьеса-сказка «Зимовье зверей». Кроме книг, полки стеллажей и застекленных книжных шкафов ломались от бронзовых, фарфоровых и деревянных фигурок, изображающих это самое «зимовье» – избушку и веселых персонажей сказки.

Катя знала их с детства.

Полковник Гущин тоже.

– Избушка – зимовье во мраке лесном, – произнес он тихо, останавливаясь на пороге кабинета и загораживая от Кати то, что открывалось там, в этой грандиозной комнате. – Замшелая крыша, свет солнца и тени...

– Все вместе так славно мы здесь заживем, – откликнулся эксперт-криминалист, шедший следом за Катей. – С детского сада наизусть, Федор Матвеевич. Как «Теремок» Маршака – «в чистом поле теремок, он не низок, не высок».

Все дети знают эту сказку Первомайской – веселую и озорную, где пестрая команда зверей – баран-меланхолик, гусь-резонер, свинья-трусишка, петух-фанфарон – противостоит плохой, но безумно очаровательной лисе, хулиганистому волку и туповатому мышке косолапому. В отличие от русской народной сказки, в пьесе Клавдии Первомайской Бык был заменен Котом. Кот-воркот – бархатный живот – остроумный и харизматичный сказочный персонаж, любимый детьми.

Несколько фарфоровых фигурок «зимовья», сброшенных на пол, разбились. Осколки белели на паркетном полу, лишенном ковра.

Из-за широкой спины Гущина, словно застывшего на пороге, Катя видела письменный стол, ореховое бюро, все сплошь заставленное коробками и пузырьками с лекарствами, консоль, на которой между гипсовыми бюстами Крылова и Горького на болванке красовался женский парик смоляного цвета в форме «каре».

Потом Катя увидела в углу деревянную кровать, явно новый предмет обстановки – неубранную, с пышными подушками, тумбочку, тоже всю уставленную лекарствами, меховые домашние тапочки. На стене напротив кровати, втиснутый между стеллажами и бюро, висел большой портрет в золоченой раме. Полная одутловатая темноглазая женщина с бледным лицом, двойным подбородком, густыми черными бровями и смоляными волосами, собранными на затылке в тугий узел, одетая в лиловое платье, строго и важно смотрела на полицейских.

Гущин как-то хрипло выдохнул и шагнул вперед, открывая Кате обзор.

Она увидела инвалидное кресло, опрокинутое на бок.

На полу у кресла лежала крошечная высохшая старуха. Ее стеганный домашний халат распалхнулся, открывая футболку и надетые пухлые памперсы, худые скрюченные ноги, похожие на конечности скелета, обтянутые пергаментной кожей, испещренные вздувшимися венами. Старуха лежала в луже крови, растекшейся по паркету. Ее лысая голова была разбита чудовищной силы ударами.

Катя с содроганием увидела предмет, которым убили Клавдию Первомайскую. Это была самая большая, массивная и очень тяжелая бронзовая статуэтка, изображающая «Зимовье зверей». Бронзовая избушка, из окон которой высовывались ее жильцы. Бронзовый петух восседал на крыше, расправив крылья, орал ку-ка-ре-кууууууу!

Петуха покрывали сгустки запекшейся крови. Баран, гусь, свинья и кот-воркот тоже купались в крови.

– Черепно-мозговая травма, – констатировал судмедэксперт. – У нее череп проломлен в лобной и височной области. Огнестрельных ран нет. Ни одной.

– Что же, пулю на старуху убийца пожалел? – спросил полковник Гушин.

– Может, у него патроны закончились? – предположил эксперт неуверенно.

– Когда забираются в дом с намерением прикончить его хозяев, на патронах не экономят. Если ствол задействуют, патронов всегда хватает. – Полковник Гушин наклонился, осматривая тело. – Нет, здесь что-то другое... Такие удары. А ей ведь девяносто девять лет! Через каких-то десять дней столетний юбилей. И такая ярость припадении. Она убийцу тоже видела, как и внука в свой последний миг, на нее не сзади напали. А где стояла эта бронзовая штука?

– Мы пока не знаем точно, но это вещь отсюда, из кабинета. И, Федор Матвеевич, обратите внимание. Я не специалист, но даже я вижу, что это – настоящий Поленов, – эксперт указал на небольшую картину в нише кабинета. – А там над ее письменным столом картина Ильи Глазунова. А вот здесь, похоже, пейзажи Коровина. Это ценные картины. И ничего убийца не взял. На ее дочери золотой браслет и кольца на пальцах. В гостиной на диване – ее сумка, и там портмоне и кредитки. Все на месте.

– А мобильный дочери?

– Тоже. Он старой модели, – откликнулся начальник УВД. – Сотрудники его изъяли как вещдок, но там нет подключения к интернету – старая модель, только звонки. Будем проверять.

– Двоих убил чисто, ее же, столетнюю старуху, вот так зверски кроваво, – полковник Гушин вглядывался в лицо Первомайской. – Катя, подойди сюда. Ближе. Еще ближе. Ты на месте преступления. Не время чувств лишаться, как тургеневская барышня.

– Я в порядке, Федор Матвеевич, – Катя произнесла это сквозь стиснутые зубы.

Запах крови. Он наполнял душный кабинет. Давность смерти – двенадцать часов... Потом запах станет еще хуже.

– В релизе для прессы о том, что способ убийства отличен, – тоже ни слова. Все три жертвы погибли от огнестрельных ранений. Так объявишь журналистам.

– Понятно. Я сейчас же займусь составлением релиза, – Катя смотрела на Первомайскую. Зимовье зверей... свет солнца и тени...

– Чуть позже напишешь. Что скажешь об этом деле?

– Федор Матвеевич, это не ограбление.

– Не ограбление. Убийство, причина которого нам неясна. Когда убивают несколько человек в доме, какие могут быть цели?

– Никаких, если убийца псих ненормальный, маньяк-садист.

– А если не маньяк?

– Ненависть. Ненавидит всех, всю семью желает уничтожить под корень.

– А еще?

– Хочет убить кого-то одного из членов семьи. Именно этот кто-то – главная жертва и цель. Остальные убираются как свидетели убийства.

Гушин посмотрел на Катю и отошел от тела.

– Что можно сказать, исходя из последнего, об этом убийстве?

– Что целью была она... старуха, – Катя желала лишь одного – выскочить, как пробка из бутылки, из этого проклятого дома, из этого чертова поселка – гибрида «Московского писа-

теля» и «Светлого пути». – Потому что ее убили вот так... страшно. А тех других застрелили, чтобы они не назвали убийцу.

– Там свидетелей привезли, кого успели разыскать, – в кабинет заглянул оперативник, – Федор Матвеевич, мы и таксиста нашли, его по телефону пока что опросили. А другие здесь.

– Пойдем поговорим со свидетелями, – сказал Гуцин. – Но в релизе о них никаких упоминаний.

– Журналисты все равно узнают, – Катя двинулась за ним.

Патологоанатом и криминалисты продолжили осмотр кабинета, кухни и гостиной. В доме Первомайской работали сразу несколько оперативных групп из Главка и местного УВД. И работы хватало всем.

Глава 4

Свидетели

Свидетели, которых удалось установить, ждали на территории участка вдали от жаждущих информации журналистов. Полицейские разместили их в старой беседке – двое охранников поселка «Московский писатель», медицинская сиделка Клавдии Первомайской, обнаружившая тела, и пожилая седая женщина в черной стеганой куртке, впопыхах застегнутой косо, – лет под восемьдесят, однако крепкая и подвижная для своего почтенного возраста. Лицо ее поразило Катю – резкие черты выражали шок от происходящего. И там было что-то еще.

Начальник УВД сказал Гущину, что это помощница и литературный секретарь Первомайской Эсфирь Яковлевна Кленова. Именно ей первой позвонила сиделка сразу после вызова полиции. Кленова примчалась в «Светлый путь» из Москвы на такси, когда в доме уже работала оперативная группа.

Полковник Гущин, естественно, начал с главного свидетеля – сиделки. Они отошли от остальных, Катя старалась не упустить ни слова из свидетельских показаний.

Сиделка – уроженка Таджикистана – сообщила, что она профессиональная медицинская сестра и попала к Первомайской по рекомендации семьи ее знакомых дипломатов, в которой работала, ухаживая за их престарелыми родителями. Работала она у Первомайской всего три месяца. Она предупредила, что прекрасно понимает и говорит на русском, однако в ее речи могут проскальзывать невольные ошибки, но на ее профессиональную квалификацию это не влияет. Она рассказала, что в доме постоянно жили трое – Первомайская, ее дочь и внучка. Эсфирь Кленова приезжала из Москвы, и в последний месяц ее посещения Первомайской в связи с подготовкой празднования столетнего юбилея участвовали. Порой она оставалась в доме ночевать. Кроме нее, в первый месяц работы сиделки в доме была помощница по хозяйству по имени Светлана, которая считалась почти членом семьи, но ее внезапно со скандалом уволили. О причинах скандала и увольнения сиделка ничего не знала. Но у нее сохранился телефон Светланы в мобильном, и она в панике позвонила ей тоже вслед за Кленовой, чтобы сообщить о страшной трагедии. Однако на ее звонок бывшая дом-работница Первомайской не ответила.

Сиделка пояснила – вчера, в пятницу, у нее был ее обычный недельный выходной. Она уехала из Внуково утром в Москву на автобусе. Никто из домочадцев Первомайской ей не звонил, она отдыхала. А утром в субботу к девяти вернулась в поселок. Позвонила в калитку – никто ей не открыл. Она сама отомкнула калитку ключом, который ей дала дочь Первомайской Виктория – она ведь оставалась порой со старухой одна в доме целый день, и у нее всегда имелись все ключи. Но в свой выходной она ключи от дома не взяла – зачем? А ключ от калитки лежал у нее в сумке.

Позвонила во входную дверь – снова никто не ответил. Но в доме громко работал телевизор. Она слышала через окно. Она знала – Первомайскую не оставили бы без присмотра. К тому же было еще очень рано. В доме вставали гораздо позже. Она стала громко стучать в дверь. А потом... потом ее что-то насторожило и испугало. Эта мертвая тишина при громко орущем телевизоре. Тогда она обогнула дом, собираясь стучать в дверь террасы, и увидела разбитое окно. Она начала кричать, звать дочь Первомайской: Виктория Павловна! Кричать и звать внучку.

А потом через разбитое окно забралась внутрь, хотя ей и было уже очень страшно.

– Так это ваши следы на подоконнике? – спросил сиделку Гущин.

Она ответила, что не знает. Она сильно испугалась, но ее долг медицинской сиделки не позволил ей просто ждать охранников или полицию у разбитого окна террасы, ведь с Перво-

майской могло быть все очень плохо – сердечный приступ, удар... Такой возраст – почти сто лет! А дочь ее... с ней было не все так просто, понимаете? Она сама порой нуждалась в опеке.

Забравшись в дом, сиделка увидела взломанные двери террасы. Прошла внутрь на трясущихся ногах и... увидела их всех.

Мертвых.

Тогда она выбралась из дома снова через окно, боясь упасть в обморок, хотя видела в жизни немало плохого и страшного. Позвонила в полицию. Потом связалась с охранниками «Московского писателя». Позвонила Кленовой и прежней домработнице Светлане.

Начальник УВД лишь качал головой на этот рассказ.

– Полно ее отпечатков будет, – шепнул он Гущину. – Хоть сейчас задерживай. Отпечатки-то как раз в месте проникновения.

Гушин на это ничего не сказал. Подошел к двум хмурым ошарашенным охранникам. Те показали, что и пятница, и утро субботы были совершенно обычными. Из приезжающих и уезжающих через пункт охраны следовали только свои, и тех оказалось не много. Потому что оба поселка полупустые. Многие дома закрыты, их хозяева кто за границей, кто где. Многие дома выставлены на продажу. Никаких чужих. Никаких подозрительных машин. Никаких гостей ни к кому. Дочь Первомайской Викторю в поселке все хорошо знают. Она сама водит машину, но у нее порой случаются проблемы.

– Какого рода проблемы? – спросил Гушин.

С алкоголем. Даже права у нее отбирали на полгода. Сейчас она ездит на такси – вызывает в поселок, возвращается. Так и в пятницу вечером она тоже вернулась в «Светлый путь» на такси. На выезде у сторожки охранников есть камера, она зафиксировала номер такси. Виктория в машине была одна и навеселе – это они заметили.

– А во сколько она вернулась? – спросил Гушин.

– Где-то в начале десятого.

Гушин отпустил охранников и спросил – что насчет камеры и номера такси. Начальник УВД сообщил: записи просмотрели, все точно, как они и рассказывают. Машину и таксопарк установили, даже до таксиста дозвонились. По его словам, он взял клиентку от бара «Горохов» на Петровке. И довез ее во Внуково, в «Светлый путь», до самого дома. И было это в девять вечера.

Сиделку эксперты-криминалисты забрали откатывать пальцы. Охранникам Гушин разрешил вернуться на рабочее место. В беседке осталась лишь Эсфирь Кленова. Она сидела, сгорбившись, подперев голову рукой.

– Эсфирь Яковлевна, – обратился к ней Гушин, – вы давно знаете Первомайскую?

– Я у нее работаю с шестьдесят четвертого года, – Кленова говорила очень тихо, в груди ее свистело.

– Вы заходили в дом? Видели их?

– Нет, это Айгуль – акробатка, сиделка. Она не растерялась. Она сказала мне... где они лежат и какие они... А меня ваши сотрудники в дом не пустили.

– А когда вы видели их в последний раз?

– В четверг. Я приехала к Клавдии Кузьминичне по ее звонку.

– А чего она от вас хотела?

– Она речь написала для своего юбилея. Все правила. Хотела, чтобы я посмотрела.

– Она в своем возрасте была в здравом уме?

– Более чем в здравом.

– Нет, я подумал – там ведь у нее кресло инвалидное. Может, паралич или...

– Нет, нет, она перенесла инсульт в возрасте восьмидесяти трех лет. Но оправилась. И не было никаких последствий в смысле парализации. Кресло – это потому, что возраст уже такой, когда кости хрупкие и ноги плохо ходят. Она передвигалась по дому в кресле. Но в кровать

перебиралась сама. И когда сиделка и Света... то есть, я хочу сказать, сиделка Айгуль ее мыла, она сама в ванну забиралась.

– В кабинете ее кровать, и лекарств много, – сказал Гущин.

– Это она туда переехала со второго этажа, лет десять назад. На второй этаж в спальню никак уже не поднимешься. А внизу было много места. И потом, она всегда любила свой кабинет, – Эсфирь Кленова закрыла лицо руками. На пальцах – крупные перстни с темными камнями.

– Бронзовая скульптура – крупная такая, в виде «Зимовья зверей» на мраморной подставке, где она находилась точно?

– В кабинете, где же еще. На консоли рядом с письменным столом. А что?

– Ничего. Я просто спросил.

– Вы не просто так спросили. – Кленова отняла руки от лица и посмотрела на него, потом на Катю: – Что же это такое? Почему? За что?!

– Это вы нам скажите.

– Я? Откуда мне знать?

– Я слышал все эти дразги про ее юбилей, про торжества в Большом театре, – заметил Гущин. – По телевизору один хайп.

– Сейчас по любому поводу хайп.

– Но там совершенно полярные мнения. И много негатива и ненависти.

– А сейчас всех травят, чего вы хотите?

– Но Первомайской было почти сто лет!

– А сейчас на почтенный возраст никто не обращает внимания, – Кленова махнула рукой. – Вон Ахеджакова, наша соседка по Внуково, ей восемьдесят, а как травят? Без пощады. Что бы она ни сказала.

– Но юбилей Первомайской собирались отмечать на государственном уровне.

– Звонили из минкульты какие-то болваны. Озаботились, спохватились, – Кленова скривила губы. – Не знают уже за что зацепиться. Чего бы еще отпраздновать. Думаете, Клавдия не знала им цену? Отлично знала. И презирала их и весь этот их новый мейнстрим. Она была умной. Возраст на ее ум и способность критически оценивать реальность не повлиял. Она речь писала для этого своего юбилея в Большом. Думаете, там лишь благодарность о том, что про нее вспомнили?

– А что там было еще, в этой речи?

– Она ее постоянно правила.

– С дочерью и внучкой у нее какие были отношения?

– Они о ней заботились. Наверное, любили. И, наверное, ждали ее смерти, – лицо Кленовой внезапно побледнело. Она сунула руку под куртку, начала массировать себя в области сердца. – Ох, что же это я... Они же тоже обе... Ох, да что же это? За что это нам? За что это мне на старости лет? Бедные они мои, бедные... Клава... Девочки... Вся жизнь... О, мой бог, за что караешь меня? Вся жизнь... И вот так разом... Никого... Никого теперь. Ни одной родной души!

Она зарыдала так страшно, что у Кати все сжалось внутри. Так рыдают, так воют в голос не литературные секретари маститых пишущих дам, а старухи в глухих деревнях на похоронах. Древний утробный вой-плач.

Гущин махнул одному из оперативников – тот бросился к машинам криминалистов, те возили с собой бутылки воды. Истерически плачущую Эсфирь Кленову начали отпаивать, притащили таблетки нитроглицерина. Катя поняла, что допрос важного свидетеля придется прервать на неопределенное время.

Глава 5

Разбитое сердце. Угроза

Полковник Гушин вернулся в дом, где продолжался осмотр. Катя решила безотлагательно заняться написанием пресс-релиза для журналистов – комментарий ГУВД был необходим. Она предпочла бы остаться на улице, в беседке, но, заглянув в смартфон, увидела, что связь отсутствует. Видно, высокий и массивный дом создавал помехи. А в самом доме связь восстановилась.

– Иди наверх, наши спальни осматривают. Там тихо, там напишешь, – сказал Гушин, направляясь на кухню, где судмедэксперт осматривал тело Анаис.

Криминалист тут же сунул Кате резиновые перчатки, и она натянула их – нельзя ничего касаться в этом проклятом доме.

Она поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж. Здесь располагались спальни. Наверху работали всего двое сотрудников полиции. Они как раз осматривали бывшую спальню Клавдии Первомайской. Отсюда и правда переселились давно – в комнате пахло пылью, матрас кровати, лишенный постельного белья, пестрел желтыми пятнами. На стенах висело множество фотографий.

Следующая комната – прибранная, чистая. Явно гостевая. Возможно, здесь ночевала Эсфирь Кленова, когда оставалась в доме. Потом шла кладовка-гардеробная, набитая разным старым барахлом. Рядом – спальня в бежево-серых тонах, современная, вся такая вычурная, заставленная антиквариатом: вазочки, вазоны, фарфоровые статуэтки, масляные пейзажи на стенах – цветы, букеты. Здесь пахло все тем же *Ex nihilo*. Катя поняла, что это спальня Виктории. Она решила было устроиться там, но кроме двуспальной кровати и зеркального гардероба-купе в спальне имелись лишь мягкие пуфы да комод, заставленный косметикой.

На кровать убитой садиться не хотелось. И Катя зашла в комнату напротив.

Девичья спальня. Этакая современная светелка. Вся в пепельно-розовых тонах. Розовые шторы, такое же покрывало, даже стены недавно покрашены в тон. Это явно комната внучки Анаис. Миллениалы помешаны на розовом цвете.

Но здесь имелся письменный стол с ноутбуком, заваленный книжками в ярких обложках, папками, журналами, большей частью посвященными диетам и здоровому питанию. Катя присела на вращающееся кресло у письменного стола. Ноутбук оперативники изымут и станут изучать. В этой комнате порядок, в отличие от разгрома внизу. Наверх убийца не поднимался.

Она достала из сумки смартфон и планшет. Новость об убийстве Клавдии Первомайской и ее семьи в «Светлом пути» уже занимала первую строку в новостной ленте Яндекса. Катя открыла ссылки: РБК, «Коммерсантъ», Газета, Лента, «Эхо Москвы» – везде новость уже была топовой. Но информация пока еще была скупой, всюду сообщалось только о самом факте убийства семьи. И шла ссылка, что «материал дополняется».

Катя начала писать пресс-релиз на планшете.

Что-то пискнуло в куче книжек на столе.

Она прервалась, оглядела спальню Анаис. Розовые крашенные стены. Ни постеров, ни фотографий в рамках. Даже зеркала нет. И комода с косметикой. Зато на подоконнике черный шлем для верховой езды. Она ездила верхом? Такая толстушка? Боливар не вынесет двоих, а Анаис весила как две ее ровесницы.

Снова что-то пискнуло, звякнул колокольчик. Катя протянула руку в резиновой перчатке и аккуратно сдвинула кипу папок. Так и есть. Смартфон. Розовый айфон Анаис.

Катя взяла его и включила. Она вдруг ощутила сильное головокружение. Было ли это предчувствием грядущих страшных и трагических событий? Хотя куда уж больше трагедий и

страха, когда внизу в комнатах три мертвых тела, три разновозрастные Грации, уже начинающие гнить и разлагаться в прах?

Никакого пароля. Вход свободный. На дисплее – обычная картинка айфона. В электронной почте пятнадцать сообщений. Катя тут же открыла почту.

Ее почту – Анаис.

Спам, спам... Ничего личного. Послания интернет-магазинов, мейлы о распродажах продуктов здорового питания, реклама средств для похудения. Мейл-бонус от какого-то фитнес-клуба «Аркадия». Катя открыла «Фейсбук». Профайл Анаис открывался со смартфона тоже свободно. Страничка смотрелась бедно – друзей маловато, всего сорок человек. Фотографий – пять. На всех Анаис. Видно, что отобраны самые-самые, наиболее удачные. Она выглядела мило – рыженькая пышечка. Но не позволяла себе снимков фигуры – только лицо. Между первым и последним снимком Катя заметила разницу – Анаис явно похудела. Раньше она выглядела совсем толстой девушкой с двойным подбородком, а на последнем снимке он пропал, лицо было круглым, розовым и счастливым.

Анаис так и лучилась счастьем. Глаза ее сияли, как звезды.

Последний пост сделан десять дней назад. Перепост музыкального клипа «Вальс вампиров» – микс «Ван Хельсинга» и «Фантома Оперы». Граф Дракула – прекрасный, как Падший Ангел, танцевал с дамой в красном.

Вот что постят в двадцать пять. Далеко ли мы сами ушли от этого возраста и подобных тем?

Катя проверила звонки – исходящие, входящие. К «Фейсбуку» ничто и никто не привязан. Осталась непроверенной последняя пометка – мессенджер «Фейсбука». Катя открыла его и...

Стоп.

ЕСЛИ ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО ВСЕ КОНЧЕНО, ДЕТКА, ТО ТЫ ОШИБАЕШЬСЯ.

Текст сообщения был набран заглавными буквами.

ВЫКИНУЛА МЕНЯ ИЗ СВОЕЙ ЖИЗНИ, ДА? УДАЛИЛА ИЗ ФЕЙСА? ВЫТЕРЛА ОБ МЕНЯ НОГИ. РАЗБИЛА МНЕ СЕРДЦЕ. РАСТОПТАЛА... СУКА.

Катя глянула на дату и время – утро пятницы. Четыре сорок утра – тот, кто писал, не спал, пылился в ночь, пылая яростью и гневом.

МОЖЕТ, И НЕ ДОЙДЕТ МОЙ ПОСТ. ЕСЛИ ТЫ И ТУТ МЕНЯ ЗАБИЛА. НАСМЕРТЬ, НАСМЕРТЬ МЕНЯ ЗАБИЛА... СУКА... Я ТЕБЕ ОТДАЛ ВСЕГО СЕБЯ. Я ЖИЛ ТОБОЙ. Я ЛЮБИЛ ТЕБЯ С СЕМИ ЛЕТ. А ТЫ РАСТОПТАЛА МЕНЯ. СЕРДЦЕДУШУ ГОРДОСТЬ-ЛЮБОВЬ.

Фраза шла без пробелов, словно фонтан ярости набирал силу.

Катя глянула на пометку – «отправитель не связан с вами в «Фейсбуке». Общение только в мессенджере». Так пишут в двух случаях – когда респондент не знаком и если общение происходит впервые. А это исключалось, исходя из текста. Значит, респондента удалили из друзей на «Фейсбуке», забыв про мессенджер.

ДУМАЕШЬ, ТЫ НУЖНА ЕМУ? ПОСМОТРИ НА НЕГО. У НЕГО ТАКИХ, КАК ТЫ – МИЛЛИОН. А ТЫ ШЛЮХА, ЖИРНАЯ ТВАРЬ. И ОН ЭТО СКОРО ПОЙМЕТ. ТОЛЬКО БРОСИТЬ ТЕБЯ НЕ УСПЕЕТ. ПОТОМУ ЧТО Я ВСЕ РАВНО ЕГО ПРИКОНЧУ. ТОГДА НЕ УДАЛОСЬ – УДАСТСЯ СЕЙЧАС. А ПОТОМ Я УБЬЮ ТЕБЯ. И БУДУ ЖИТЬ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО! И ЖЕНЮСЬ – ПРОСТИ, УЖЕ НЕ НА ТЕБЕ.

Катя ощутила жар во всем теле. Потом холод.

Вот оно...

Это же...

Утро пятницы, рассветный час. Прочла ли это Анаис?

А вечером тот, кто утром обещал ей смерть, выполнил свою угрозу.

Катя глянула на кружок с портретом того, кто угрожал.

Молодой... невзрачный...

Она «кликнула», но его аккаунт на «Фейсбуке» не открылся – заблокирован.

Но там было его имя и фамилия.

Иван Титов.

Катю опять бросило в жар. Такая удача... такой след... Это же...

Она достала свой мобильный, зашла на свой аккаунт в «Фейсбуке» и ввела в «поиск» имя и фамилию. Десятки, десятки Иванов Титовых.

Она скользила взглядом по лицам, ища того – единственного.

Нет, нет, нет, не тот... И этот не тот... какие-то боты.

И тут она увидела его.

Открыла страницу. На нее глядел отправитель угрозы убийством.

Иван Титов. Профайл был закрыт для посторонних. Доступны для просмотра оказались лишь фотографии. Катя открыла и ахнула – все фотографии были их общие. Иван Титов и Анаис Первомайская-Кулакова.

Катя узнала беседку, запущенный сад. Они на фоне дома Первомайской в «Светлом пути». Толстая девушка с рыжими волосами и субтильный невзрачный парень в серой толстовке с капюшоном. Они смеются. Она его тормошит, а у него глупый и довольный вид. Он серьезен, а она его снова тормошит. Он на велосипеде, она вся румяная, как яблочко, после утренней пробежки для полных. Они в гостиной у камина – там, где сейчас лежит тело ее убитой матери. Они возле новогодней елки – снова гостиная в доме Первомайских.

Катя стиснула розовый айфон. И, забыв о пресс-релизе, сорвалась с места, скатилась с лестницы.

– Федор Матвеевич, я его нашла!

Она крикнула это так громко, что все затихло в доме. Из всех дверей повысовывались сотрудники полиции, эксперты. Гушин возник в холле.

– Кого ты нашла?

– Убийцу, Федор Матвеевич! – Катя потрясла айфоном. – Вот, вот ее телефон, все здесь. Он ей угрожал! Ночью на рассвете, понимаете. Не спал! А потом явился и убил – ее.

– Кого ее? Клавдию Первомайскую?

– Анаис! – выкрикнула Катя. – А других как свидетелей убрал.

Она снова взмахнула смартфоном и ринулась на улицу к беседке. Эсфирь Кленова сидела там с бутылкой воды. Она немного отошла, успокоилась.

Катя налетела на нее как вихрь:

– Эсфирь Яковлевна, кто такой Иван Титов?

– Что случилось?

– Кто такой Иван Титов? – чуть ли не по слогам повторила Катя. – Он был вхож в ваш дом. Есть тому доказательства. Он общался с Анаис. Кто он?

– Это... это сын нашей Светы, – голос Эсфирь Кленовой дрогнул. – А что происходит?

– Светы? Домработницы, внезапно уволенной со скандалом?

– Да, но... это не скандал, это драма, семейная драма. Там так все было сложно. Я говорила Клавдии, но она меня не послушала. Анаис наплела ей бог знает что про тот случай в клубе. Клавдия... ей же сто лет, что вы хотите! Психика как порох, она вспыхнула, накричала. Она Анаис любила безумно. Она за нее заступалась, защищала ее. А Света – она тоже не стерпела. Это же ее сын. Они были как родные. Семнадцать лет здесь все вместе... Они вместе росли, он ее моложе на три года... И так все разом оборвать...

– Где они сейчас – эта ваша домработница Светлана и ее сын Иван? – спросила Катя.

– Я не знаю. Дома, наверное. Но... у нас два месяца о ней нет сведений. Она и не звонила.

– Ее адрес, диктуйте нам!

– Восьмая Парковая... ох, из головы вылетело. Я визуально знаю, столько раз к ней ездила, а точный адрес... во двор второй подъезд и направо от лифта, седьмой этаж.

– А дом? Номер?

– Белый, блочный такой, – Эсфирь Яковлевна снова побледнела. – А что? Зачем это вам?

При чем здесь Света и Ваня?

– Где он работает, этот Титов? Или учится еще? В каком институте?

– Он много где работал, копил ведь на свадьбу деньги. Он... это... он же был в клубе.

– Каком клубе?

– Ну, где она заниматься стала. Нам позвонили... это по желанию ее отца... Он, когда умер, денег ей не оставил, хотя алименты платил и признавал ее как дочь. Оставил так, мелочи... в частности, этот клуб, членство. Это элитное место.

– Что за клуб?

– Из головы вон... как на картине Николая Пуссена...

– Аркадия? – спросила Катя. – «И я бывал в Аркадии»?

– Да. Но при чем это все? При чем тут Ваня? Он вернулся из армии, а в клуб работать пошел на конюшню – только ради того, чтобы быть с ней рядом. Он... он так к ней относился трепетно. И я ей не поверила тогда, когда она рассказывала о нем весь этот чертов бред!

Катя пока не понимала, что она там бормочет, эта старуха-литсекретарь. Про какого-то покойного отца...

– Фитнес-клуб «Аркадия» – это где-то здесь? – спросила Катя у начальника УВД, вышедшего вслед за Гущиным из дома к беседке.

– Это на Рублевке. Здешние из «Московского писателя» вряд ли туда ездят. Вообще-то это не близко отсюда.

– Невозможно, чтобы Ваня был ко всему этому причастен! – вдруг с силой выкрикнула Эсфирь Кленова. – Да вы что, очумели все?! Он бы никогда... я его малышом знала, я его учила читать по букварю! Он вырос здесь, в доме! Вы что?

Полковник Гушин глянул на ее искаженное гневом, страхом и отчаянием лицо. И Катя поняла – если еще секунду назад он просто слушал все это, то теперь... Этот крик все решил в миг единый. Гушин, как и Катя, понял, что Эсфирь не говорит им всей правды. А правда эта может оказаться очень страшной. А дело – очень простым и уже почти раскрытым.

Гушин кивнул Кате и ринулся к своему джипу, подогнанному к воротам дачи. Что-то сказал шоферу, и тот забрал свои вещи, кивая. Катя знала – Гушин всегда отпускает своего шофера, если полагает, что впереди – бессонные длинные выходные, полные опасностей и аврала. Предпочитает управлять автомобилем сам.

В следующую минуту она уже забиралась в джип на заднее сиденье. Нашла в смартфоне точный адрес загородного фитнес-клуба «Аркадия».

В хвост им пристроилась главковская машина с оперативниками.

Катя и представить не могла, ЧТО ИХ ЖДЕТ.

И я, и я бывал в Аркадии...

Глава 6

Аркадия. Вальс!

Пока они мчались, Катя прочитала Гущину послания Ивана Титова в мессенджере. Она все еще была в резиновых перчатках – так и держала розовый айфон Анаис.

Загородный клуб «Аркадия» располагался недалеко от поселка Горки-2. Они миновали плотную застройку коттеджных поселков бизнес-класса, напоминающих скученные птичьи гнездовья. А потом попали в совершенно иной мир Рублево-Успенского шоссе. Замки и виллы здесь не прятались за аршинными заборами, как в «Московском писателе» и «Светлом пути». Виллы современного вычурного дизайна из стекла и бетона, дворцы в стиле викторианских времен, дома с бельведерами и колоннами, стеклянными дверями, зимними садами и оранжевыми словно выставляли себя напоказ.

Катя включила Гущину последний пост Анаис на «Фейсбуке». Тот самый музыкальный клип – бал-фантом. Под музыку Питера Гандри они и ехали мимо рублевских вилл. Вальс, где аккордеон держал ритм – и раз-два-три! И раз-два-три! А струнные и мрачный хор лишь оттеняли пьяную, сладчайшую, источающую мед и яд мелодию скрипки Последнего Танца. Мимо мелькали великолепные дома, некогда предмет гордости владельцев и зависти соседей, ныне пустые, покинутые ради заморских далей, с тусклыми немывтыми стеклами панорамных окон и засыпанными осенней листвой аккуратными лужайками. Суббота, а ни дорогих машин на подъездных дорожках, ни шума, ни голосов. Все та же иррациональная ватная тишина, как и в знаменитом Внуково.

Вальс! И раз-два-три! Издыхающее благополучие, расточающееся в пыль богатство, запустение и заброшенность, темный декаданс.

«Аркадия» пряталась в лесопарке в конце длинной подъездной аллеи. Забор клуба был аккуратным, КПП строгим – Гущин даже включил полицейскую сирену. А за КПП раскинулась обширная территория – тщательно ухоженный ландшафтный парк. Конюшни, бунгало, главное здание фитнес-клуба с крытым бассейном и широкими открытыми верандами для йоги и занятий на свежем воздухе.

На ресепшен их вежливо встретила дива средних лет в униформе. Фитнес-клуб в этот выходной тоже был на две трети пуст. Дива сначала никак не могла или не хотела понять, что им нужно, потом прибежала еще одна сотрудница – менеджер.

Гущин сразу задал ей вопрос об Иване Титове – такой у вас работал? Менеджер ответила – да, но он уже два месяца как уволен. А потом она отчаянно всплеснула руками и затараторила – вы поэтому приехали, да? Потому что Первомайских убили? Я в интернете в ленте новостей прочитала. Это шок, шок! Она же... она, Анаис Первомайская-Кулакова, приезжала к нам, занималась у нас. Все, все хотела попробовать – и пилатес, и программы по снижению веса, и танцы, и верховую езду, и тренажеры даже, и йогу! Как же это возможно – такой кошмар? А кто же их убил всех?

Гущин спросил ее, когда Анаис посещала клуб в последний раз? Менеджер нашла в компьютере ее индивидуальный журнал расписаний. Оказалось, что в среду. Гущин спросил – за что уволили Ивана Титова? Он долго проработал в клубе? Нет, всего две недели. Он устроился уборщиком в конюшни. Они и не предполагали, что он и Анаис... Они взяли его, ничего не подозревая, чернорабочих-то всегда не хватает! Особенно здесь, в Горках и на Рублевке.

– Он и Анаис – что? – спросил Гущин. – О чем вы не подозревали?

Менеджер медлила с ответом. Гущин напомнил ей, что она дает показания как свидетель по делу об убийстве.

– Я ничего не знаю точно, – теперь менеджер подбирала слова. – Анаис попала к нам по рекомендации. У нас ведь закрытый клуб. Нам звонили из нотариальной конторы, которая занималась делами ее покойного отца. Он когда-то был членом нашего клуба. Они связались с нашими юристами. Сообщили хозяйке Алле Оскаровне. И Анаис была принята. У нее была платиновая карта на год. Это все, что я знаю. О том, что тут произошло пару месяцев назад, вам лучше поговорить с Нелли, – она набрала номер на мобильном. – Она работает сегодня. Они с Анаис не то чтобы дружили, но общались. Может, Нелли захочет вам рассказать.

Она поговорила по мобильному и указала в сторону открытых террас. Катя и Гуцин двинулись в глубь территории «Аркадии». Катя услышала голоса, шум – словно бы бряцанье оружия, звон клинков. А потом... тот самый вальс Питера Гандри. Он звучал с одной из террас.

Нелли уже ждала их возле клумбы, изображающей альпийскую горку. Смуглая эффектная брюнетка с одним изъёмом – ее глаза заметно косили. Она была старше Анаис лет на пять. На ней – униформа тренера йоги, бейдж на толстовке. По ее расстроенному лицу Катя поняла, что она уже знает о смерти Анаис. Интернет – вестник быстрый.

– Нелли, мы бы хотели побеседовать с вами, – Гуцин представился ей официально.

Она молча кивнула. Быстрый, птичий какой-то взгляд. Кроме горя, в глазах светилось и жгучее любопытство.

– Что это за музыка? – спросила ее Катя. – Это для занятий танцами?

– Это здесь часто крутят на занятиях по историческому фехтованию, – ответила Нелли. – Тренеры суперпродвинутые, считают, что эта музыка оттачивает реакцию на удары.

– Вы дружили с Анаис? – продолжала расспросы Катя.

– Она... я собраться с мыслями не могу... И поверить никак не могу. Только в среду с ней разговаривали. Она на фехтование смотрела... А кто убил ее и ее родных?

– Мы пытаемся это установить, Нелли.

– Она здесь белой вороной была. Тут все такие крутые. Такие богачи. Сплошь олигархи и их бабы, любовницы и детки.

Катя кивнула. Вся обстановка фешенебельной «Аркадии» составляла разительный контраст с пусть большой и прославленной, но такой старой писательской дачей, полной обшарпанной мебели из еще советских комиссионков.

– Она сама ко мне прибилась. А я... мне сначала все это таким смешным казалось, очень забавным.

– Что?

– Ну она... она же толстуха, – Нелли поджала губы. – Толстый сверчок знай свой шесток. А она сразу соскочила.

– Со своего шестка? – спросила Катя. – А что это значит, Нелли?

– Влюбилась. Упсс! В один миг. Он на нее только глянул здесь. Сказал ей – привет, добро пожаловать, разрешите показать вам клуб. Она и поплыла. Втюрилась в него с первого взгляда.

Катя глянула на Гуцина – точно, ведь был кто-то третий во всей этой истории. Тот, кто упомянут в злом сообщении Титова. Кому он тоже угрожает смертью. Черт возьми, можно ведь опоздать... Над этим третьим неизвестным нависла смертельная угроза.

– О ком вы говорите, Нелли?

– О Германе Лебедеве.

– Он кто? Тренер по фитнесу?

– Он бойфренд нашей хозяйки Аллы Ксаветис, – шепотом сообщила Нелли с видом завзятой сплетницы. – Ей-то шестьдесят три, старуха богатая. А он ее юрист. На двадцать лет моложе. Здесь он в свое удовольствие занимается в клубе и ради прикола тренирует этих наших здешних рублевских дурачков. Они на саблях рубятся – такая милота, хохма. Историческое фехтование. А он саблист классный, фехтовальщик.

– И Анаис в него влюбилась?

– С первого взгляда. Я же говорю – поплыла...

– А Иван Титов? Он ведь здесь у вас работал. Это ее приятель. Они росли вместе.

– Титов? – Брови Нелли полезли вверх. – Он же хотел на ней жениться. Она сама мне сказала – явился с букетом к ним домой. У бабки ее, писательницы, официально просил позволения – руки внучки. Такая милота, хохма. Анаис, конечно, послала его. А он... ну, не дурак же он. Понял из-за кого она его прогнала. Тут такое было!

– Что здесь случилось? – спросил Гущин.

Нелли округлила глаза и сбивчиво, пылко начала им рассказывать.

Лето. День июльский, жаркий. Анаис в широких необъятных шортах и белом топе со спущенными плечами шла по дорожке. Нелли видела ее – она загорала на скамье. У нее выдался свободный час. Нелли знала, кого жаждет видеть Анаис в зале исторического фехтования.

– Она как втрескалась, сразу есть перестала. Чуть не до голодных обмороков, – тараторила Нелли. – Так ей хотелось похудеть. Она же бомба была. Странно, что Титов этого не видел. Он вообще как-то на нее смотрел не так, как все мы. Ему наплевать было на ее килограммы. В общем-то, ей, конечно, надо было за него замуж идти. Но сердцу ведь не прикажешь. Так вот ради Лебедева она и не жрала ничего. Только минералку пила целыми днями. Сбросила семь кило. Но все равно была толстой.

День тот два месяца назад выдался жарким...

Нелли видела со своей скамейки, как у террасы фехтовальщиков из кустов вышел Иван Титов и преградил Анаис путь.

– Надо поговорить.

– Мы уже говорили. Дай пройти.

– Подожди, я хочу с тобой поговорить, – он взял ее за руку.

Она вырвалась.

– Отстань. Мне все это надоело. Все эти разговоры. Я уже все тебе сказала.

– Ты спятила.

– Это ты спятил. Что ты врал маме, бабушке? Когда это я обещала выйти за тебя замуж?

– Когда мы целовались с тобой, – сказал Иван Титов. – Когда мы в постели обнимались.

Забыла?

– Нашел что вспомнить, – она захотела его обойти. – Я напилась тогда. Ты сам меня напоил. У матери моей бутылку своровал из бара. И напоил меня. Подумаешь, переспали по пьянке.

– Тебе понравилось, Анаис.

– Нет, мне не понравилось. Я притворилась тогда, – она подбоченилась, напирая на него грудью. – И ты мне не понравился в постели, мальчик. Много суетишься. Много болтаешь.

– Тебе такие, как он, нравятся?

– Это не твое дело.

– Это мое дело. Я тебя люблю.

– Мы на эту тему говорить закончили, Ваня. Дай мне пройти.

– Я тебя люблю. И тебе понравилось тогда.

– Нет, мне не понравилось. Я притворилась.

– Тебе понравилось! И я тебя люблю!

Он размахнулся и со всей силой врезал ей по лицу. Пощечина, как выстрел.

Анаис отшатнулась, схватилась за щеку. А он протянул руку и рванул белый топик со спущенными плечами с ее плеч. Явно думая, что она под этим топом голая, но там был лифчик без бретелек, треснувший, когда он рванул его вместе с тканью. Анаис закричала, одной рукой отпихивая парня, а другой пытаясь удержать на себе и топ, и лифчик, чтобы не оказаться позорно голой.

– И на ее крик появился он, – сказала Нелли. – Вышел на террасу, как был, с саблей для фехтования.

Герман Лебедев в костюме и доспехах фехтовальщика и специальном белом колете для исторического боя на саблях.

– Как в кино! – Нелли всплеснула руками. – Я обалдела. Подумала – ну, сейчас будет жарко. Охрану, что ли, звать?

– Эй ты, оставь ее в покое, – сказал Герман Лебедев.

– А, какие люди! И вы здесь, – Иван Титов отшвырнул от себя Анаис и повернулся лицом к Лебедеву. – А третий лишний. Я с моей невестой разговариваю. С моей будущей женой.

– Он все врет! – крикнула Анаис. – Герман, не верьте. Он больной, все выдумал.

– Выдумал? Эй, ты, капитан фон Трапп, хочешь знать подробности? Какая она в постели? Как течет вся, как сука, как она кончает – хочешь, расскажу?

– Заткнись, – Лебедев сошел по ступенькам террасы. – Убирайся отсюда.

– Я здесь работаю. И разговариваю со своей невестой. А ты... нет, хочешь расскажу, что она кричит, когда...

Герман Лебедев шагнул к нему.

– О, да у нас клинок. Сабля. – Иван Титов криво усмехнулся. – Но мы тоже не дураки. Не голыми же руками учить таких, как ты.

– И он выхватил нож! – воскликнула Нелли. – Я видела это своими глазами. У него в руках вдруг нож оказался! Финка! А Герман...

Герман Лебедев отшвырнул фехтовальную саблю в сторону. И бросился на Титова так стремительно, что...

Анаис закричала. Нелли на скамейке закричала тоже, призывая охрану. Иван Титов выставил вперед нож и неумело, но с дикой яростью полоснул Лебедева по груди. Нож пропорол ткань и подкладку. Он ударил еще раз и достал. Появилась кровь. И в этот момент Лебедев ударом в челюсть сшиб его с ног. Накрыл собой, выкручивая руку, выбивая нож. Вырвал, отшвырнул нож в кусты. А самого Титова рывком поднял с земли на ноги, заламывая ему руку в болевом приеме так, что тот сначала замычал от боли, а потом заорал истошно.

– Тут прибежали охранники. И все смешалось в доме Облонских, – продолжила Нелли. – Охрана хотела вызвать полицию, сдать Ваню за хулиганство. И потом, он ведь Лебедева ранил – пусть и легко. Но Лебедев глянул на Анаис. Она прям в ступор впала. Такой класс, как в кино! И он же джжжжентльмен, этот наш Герман. Он сказал охране – никакой полиции не надо. Выкиньте этого молодого дурака за ворота. И больше никогда не пускайте. А потом он повернулся к Анаис. И сказал – больше он вас не побеспокоит. Я за этим прослежу. А она лишь пялилась на него. И совсем, совсем поплыла. Такая любовь... Тут у нее лифчик лопнул и топик сполз. И охранники на ее сиськи уставились. А он... Лебедев расстегнул на себе свой колет фехтовальщика, сдернул его и укрыл ее. Ну, чтобы голяк не светил всем, – Нелли покачала головой. – Я сама в этот момент в него чуть не влюбилась. Такой мужик. А колет его на Анаис не сошелся – слишком толстая. Тогда он просто набросил его ей на грудь. Взял ее за руку и повел в лобби. Чтобы она там пришла в себя немножко.

Катя слушала этот рассказ о событиях двухмесячной давности. Трагикомедия... В изложении этой девицы – трагикомедия. А в результате три трупа в доме.

– Где можно найти этого Германа Лебедева? – спросил Гущин.

Музыка вальса в этот миг смолкла.

– А вон он, – Нелли обернулась и указала на террасу. – Он тоже уже все знает, как и все мы. Он напился. Никогда себе раньше такого не позволял. А тут тоже поплыл. Такой пьяный. От него, как из бочки, разит.

Катя увидела на террасе высокого широкоплечего мужчину в черно-белой форме фехтовальщика, совершенно не выглядящей спортивной, больше похожей на доспехи. Он стоял у

столба, опершись на него одной рукой и держа в другой фехтовальный шлем. И тут шлем упал на траву. А мужчина выпрямился, словно понял, что они говорят о нем.

Катя, уже подогретая рассказом Нелли, ожидала чего-то особенного. И она не ошиблась. Мужчине было чуть за сорок, и выглядел он на свой возраст. Шатен с идеальным косым пробором яппи в обычной жизни, но сейчас волосы растрепались, что придавало ему отчаянный вид. Крупный римский нос, лицо словно с медальона, точеные черты. И самые прекрасные серые глаза, которые только можно себе вообразить. Он был очень похож на Кристофера Пламмера времен «Звуков музыки». Великолепная спортивная фигура. И эти доспехи, и белый колет, что облегал его, как перчатка.

Катя представила рыженькую толстую Анаис рядом с этим красавцем. Полковник Гушин, видимо, подумал о том же. Пагубны, печальны такие союзы...

Вальс...

Вот о ком она грезила, когда постила этот клип Питера Гандри.

Полковник Гушин двинулся к террасе с намерением поговорить с Германом Лебедевым.

Катя поблагодарила Нелли и поспешила за ним. И в этот миг...

Кто сказал, что реальность и природа вещей не терпят повтора?

Все повторяется.

Герман Лебедев спустился с террасы – Нелли крикнула ему:

– Это к вам! Хотят поговорить с вами!

Он пошел им навстречу. И в этот миг из-за кустов, одетых в осенний багрянец, выскочил, преградив ему путь, кто-то тощий и сутулый.

Кате в первый миг показалось – это тоже какой-то пьяный. Он что-то заорал, потрясая кулаками, изрыгая чудовищный мат. Хриплый ломкий молодой голос, в котором слезы и ярость, и...

– Титов! – взвизгнула Нелли за спиной Кати. – Это же Титов! Сюда заявился! Наверняка опять с ножом! Охрана! Охрана!!

– Титов, стойте на месте, это полиция! – загремел Гушин.

Он как-то растерялся от неожиданности. Все произошло уж слишком быстро.

Как в кино, по меткому выражению Нелли. И Гушин тоже слегка «поплыл».

Парень обернулся на его крик. Невзрачное лицо в прыщах. Катя с трудом узнала в этом человеке того – с фотографий. Он словно постарел на десять лет. Пару секунд он глядел на них. Потом развернулся и ломанул через кусты.

– Стой! – закричал ему полковник Гушин. – На месте стоять! Полиция!

Куда там... Катя сорвалась с места – побежала, побежала, побежала... Прибавила скорость, но Титов ломился через этот ухоженный лесопарк, как лось сквозь чащу. Гушин безнадежно отстал. Катя мчалась изо всех сил. Задыхалась от бега. Это вам не утренний моцион в Нескучном саду у дома. Это погоня. Забор кирпичный не аршинный, но метра два с половиной все же... Титов подпрыгнул, подтянулся – и вот он уже на заборе.

Перемахнул.

Катя подскочила к забору. Замерла. Нет... надо со второй попытки. Когда же это мы лазили в последний раз по заборам-то? Никогда. Мы всегда этого чурались. Она подпрыгнула, ухватилась. Вцепилась. Впилась. Повисела как сарделька минуту, тихонько визжа, потом начала подтягиваться. Ой-ей-ей...

Животом вползла на этот чертов забор. И увидела Титова, бегущего по бетонной дорожке. У дуба был прислонен мопед. Он развернул его, сел и...

Рев мотора...

Катя сидела на заборе, смотрела, как он удаляется прочь.

Визг тормозов.

Гущинский джип. Он остановился на бетонке. Полковник вместо кросса по пересеченной местности прикинул примерные пути отхода фигуранта с территории клуба – и не ошибся.

– Куда он делся? – Гущин выскочил из джипа.

– Туда, – Катя на заборе указала направление. – У него мопед был здесь.

– Прыгай. Я тебя поймаю.

Катя смерила расстояние – вроде забор казался не очень высоким, а прыгать высоко, боязно. Полковник Гущин растопырился внизу, как Жихарка, раскинув руки.

Катя неловко повернулась на своем насесте, пытаясь сползти с забора.

– Прыгай! Времени нет. Он скроется.

Катя закрыла глаза и прыгнула. Гущин поймал ее, стиснув так, что у нее перехватило дыхание. И какой-то миг держал на весу в объятиях. Не отпускал. Видно, сам не верил, что поймал и что они на землю не повалились.

В следующую секунду они уже садились в машину.

– Пристегнись, – велел Гущин.

Сзади показалась оперативная машина – та, что приехала вместе с ними и осталась у ворот клуба. Полицейские включили сирену. Гущин нажал на газ.

Все же джип есть джип, это не мопед. Минут через пять они на бешеной скорости догнали Титова на его мопеде, хотя он и успел оторваться прилично.

Узкое шоссе вело к Рублевке. Парк клуба давно закончился, потянулись участки, предназначенные для застройки и продажи. Титов на своем мопеде почувствовал погоню – он вилял из стороны в сторону на дороге, боясь, что его обгонят полицейские машины. А оперативная машина, нагонявшая джип сзади, именно это и намеревалась сделать. Опера включили снова сирену – вылетели на встречу, пытаясь обойти и Гущина на джипе. В этот миг, отчаянно сигналив, показался рейсовый автобус, и оперативная машина метнулась назад.

– Сейчас догоним, не уйдет, – Гущин выглядел спокойным и сосредоточенным, прибавляя скорость до ста двадцати.

Мопед впереди вилял то вправо, то влево, стараясь из последних сил держать скорость. Вот они почти нагнали его. Катя испугалась, что Гущин ударит хлипкий мопед бампером, сталкивая его в кювет. Но Гущин лишь оглушительно сигналил, требуя остановиться.

Титов оглянулся через плечо. Он был без шлема. Его темные волосы трепал ветер. Он прибавил газу, сам вылетая на встречную полосу, затем шарахнулся вправо от ехавшего навстречу «Мерседеса», едва не завалившись в кювет с испуга. И тут оперативная машина обогнала гущинский джип и, воя сиреной, начала прижимать мопед к обочине.

Титов снова вывернулся. Он промчался перед самым бампером гущинского джипа, косо пересекая шоссе, пытаясь вырваться вперед, к съезду на грунтовую дорогу коттеджного поселка.

Мопед вылетел на встречную полосу и...

Возникший неожиданно, как огромный фантом, отчаянно сигналивший грузовик с надписью на кузове «Отопительные системы» сшиб его с такой силой, что мопед подбросило высоко в воздух.

Гущин ударил по тормозам, их самих на полной скорости едва не развернуло и чуть не вынесло под колеса грузовика. Катя закричала. Оперативная машина с оглушительным воем съехала в кювет.

Иван Титов не удержался на мопеде. Его тело перевернулось в воздухе, словно тряпичная кукла. Грузовик, визжа тормозами, с хрустом смял мопед. И ударил Титова, отшвырнув его на середину дороги.

Грохот металла. Звон.

Звон в ушах.

Крики.

Вопли.

Запах бензина.

Дверь джипа распахнулась. Катя, пристегнутая на своем заднем сиденье, видела, как Гущин, спотыкаясь, бежит к Ивану Титову.

Потому как тело его лежало там, на асфальте, выгнувшись и одновременно безжизненно распластавшись, так что можно было понять, что...

Вой полицейской sireны...

От удара о грузовик и об асфальт Иван Титов умер на месте.

Глава 7

И еще одна пощечина

Оперативное совещание в Главке по поводу убийства семьи Первомайских началось в полночь. В этом было тоже нечто иррациональное, как показалось Кате. Ей разрешили присутствовать, потому что именно ей приказано было написать новый пресс-релиз для массмедиа с теми выводами, которые будут озвучены на этом совещании.

Присутствовала вся оперативная группа Главка, эксперты, сотрудники Видновского и Одинцовского УВД, кураторы из министерства, прокурор, следователи Следственного комитета.

Полковник Гуцин сидел, сторбившись, в одиночестве. Лицо его было разбито, на левой скуле багровела свежая ссадина.

Кате очень хотелось сесть рядом с ним, сказать хоть что-то ободряющее. Но на официальном совещании в присутствии начальника Главка все сидят по ранжиру. Да Гуцин сейчас и сам хотел, чтобы к нему не лезли, оставили его в покое.

Два часа назад они с Катей были в морге Одинцовского района. Туда же из Москвы доставили мать Ивана Титова – Светлану, бывшую домработницу Первомайских. Мать привезли для официального опознания тела сына.

Светлана Титова – седая, полная, крепкая женщина с рабочими руками, крутыми бедрами и полной грудью – не плакала. Катя представила ее в доме Первомайских – классический образ преданной домработницы. Представила в роли свекрови Анаис – а вот с этим все было сложнее. Из многолетней прислуги-приживалки в свекрови? Не тот круг. Иван Титов, возможно, психовал не только из-за нового увлечения Анаис.

Светлана Титова смотрела на тело сына, лежащее на цинковом столе. Ни слезинки в глазах, но по лицу прошла сильная судорога.

– Затравили, – сказала она хрипло. – Затравили насмерть.

– Это был несчастный случай, авария, – тоже хрипло сказал полковник Гуцин.

– Затравили, как псы, Ваню моего.

Кате показалось, что Гуцин сейчас что-то скажет ей, начнет оправдываться. Но он не успел произнести ни слова. Светлана Титова шагнула к нему и с силой со всего размаха ударила его по лицу. Не пощечина даже – удар натруженным пролетарским кулаком. У нее на пальце было большое серебряное кольцо. Им она рассекла Гуцину скулу.

Присутствовавшие при опознании полицейские бросились к ней, схватили. Как же, статья ведь уголовная – нападение на сотрудника полиции при исполнении.

Но под взглядом Гуцина они тут же отступили от Титовой.

Гуцин повернулся и пошел прочь из прозекторской. Кровь капала на воротник его белой рубашки и лацкан темного костюма. Он ведь оделся в свой лучший костюм – они же на выставку Бэнкси шли, столь модную и продвинутую.

Словно в другой жизни это было...

– Данные пришли из военкомата и медицинские документы на Титова, – сухо известил начальник Главка. – Он был призван в армию, но прослужил всего полгода, и его комиссовали. Причина – черепно-мозговая травма. Обстоятельства ее получения военные нам не озвучили.

– Либо сослуживцы избили, либо контузия боевая, – сказал эксперт. – Кто об этом нам сейчас расскажет. Парень два месяца лежал в госпитале. К последствиям такой травмы как раз и можно отнести его неконтролируемые вспышки агрессии.

– Он же с ножом напал на человека, – кивнул начальник Главка. – Неконтролируемая агрессия, травма головы. Классика. И повод для убийства классический – ревность, месть.

Собирался жениться на подруге детства, в доме, который считал родным, а ему отказали. Угрожал девушке, напал на нее, бросился с ножом на того, кто пытался ее защитить. Потом, спустя два месяца, снова угрожал в соцсетях смертью. И что? Выполнил свою угрозу. Совершил тройное убийство в доме. И даже тот способ, каким была убита Клавдия Первомайская, вписывается в эту версию – эта его бешеная ярость. Она же, старуха, выгнала его мать, уволила ее с работы. Нанесла смертельное оскорбление. После убийства семьи явился разбираться с тем, кому угрожал, с Лебедевым. Хорошо, что вы, Федор Матвеевич, там на месте оказались вовремя. А то был бы у нас четвертый труп. И то, как Титов себя повел, тоже вполне вписывается в логику версии его виновности в убийствах. Он попытался сбежать.

– И сам стал четвертым трупом, – тихо сказал Гуцин. – Оружия нет. При нем ничего не нашли. Ни пистолета, ни ножа. Дома при обыске тоже ничего.

– Когда убивают троих, от оружия избавляются сразу.

– Да, но он же явился убивать того, к кому ревновал. А при нем ничего не было.

– Он мог нож выбросить там, на территории клуба, когда убежал, или позже, когда на мопеде ехал. Мы обыщем территорию клуба и кюветы дороги в Горках. Но это уже частности, – сказал начальник Главка. – Вообще же это классический случай.

– Вы так считаете? – глухо спросил Гуцин.

– Да, – начальник Главка выдержал многозначительную паузу. – И пример успешного раскрытия такого громкого резонансного преступления по горячим следам. Учитывая всю картину.

– Но нет ясности...

– Учитывая ВСЮ картину, Федор Матвеевич, – повторил начальник Главка. – Весь тот резонанс, который связан с именем Клавдии Первомайской. Учитывая всю ту дрянь, весь тот мутный шлак, который всплыл и на телевидении, и в прессе, связанные с ее именем, ее неоднозначным прошлым, ее юбилеем в Большом театре, учитывая весь этот скандал, распри, вражду, многолетние кляузы. Весь этот наш исторический позор, снова выставленный на показ. Учитывая все это и само жестокое убийство семьи, будет лучше, если эта версия станет основополагающей. А дело – раскрытым по горячим следам.

Гуцин хотел что-то возразить. Но начальник Главка поднял руку в повелительном жесте.

– Ваши сомнения, Федор Матвеевич, остаются при вас. И я ни в коем случае не стану ограничивать ваши действия как шефа криминального управления. Но это может продлиться долго – все ваши личные изыскания. И может закончиться вообще ничем. А всяк в таком резонансном деле – гибельная вещь. Это бьет не только по нашему престижу – областной полиции. Это удар по государственному престижу. Поэтому «раскрытие по горячим следам» и этот молодой идиот Титов – это подарок судьбы.

Полковник Гуцин молчал.

– Здесь присутствует сотрудник Пресс-службы? – спросил начальник Главка.

Катя поднялась со своего места.

– Вам понятно, в каком ключе писать пресс-релиз, чтобы новость уже этой ночью, точнее, завтра ранним утром прошла по всем каналам и стала нашим официальным комментарием произошедшего?

– Да, все понятно. Сейчас же займусь.

– А если эта версия ошибочна? – спросил Гуцин.

– А тогда мы с вас спросим, как с руководителя оперативной группы, – отрезал начальник Главка. – В конце концов, это же вы допустили, чтобы этот парень Титов погиб при попытке задержания.

Это был удар под дых. Катя поняла, что начальник Главка сделал это намеренно. Публично и вот так жестоко.

Чтобы ему не возражали. Чтобы убийство Клавдии Первомайской, ее дочери и внучки отныне считалось раскрытым по горячим следам.

Катя написала краткий пресс-релиз за час. Честно говоря, она пока не знала, что думать обо всем этом. Она испытала шок там, на дороге, и пока не могла от него никак оправиться. Но в версии виновности Ивана Титова имелась своя логика. И это был действительно классический случай.

Она с содроганием вспомнила, как вопила: «Это он! Я нашла его! Я нашла убийцу!», потрясая айфоном Анаис. Что толку врать себе самой? Надо быть честной. А это значит, надо целиком разделить вину с полковником Гущиным за гибель Титова.

Только вот он не хочет ни с кем делиться своей виной.

Катя отправила пресс-релиз по электронной почте. Забрала свои вещи и спустилась в розыск. Приемная Гущина была темна. Его кабинет закрыт. Катя прильнула к замочной скважине.

Свет в кабинете. Он заперся там. Она постучала.

– Федор Матвеевич!

– Иди домой, Катя.

– Откройте мне.

– Я сказал, иди домой. Оставь меня.

– Два часа ночи, – жалобно воскликнула Катя. – В такую поздноту одной шляться! Да вы что?

Тишина. Потом внутри повернулся ключ.

Полковник Гущин возник на пороге. Он даже не умылся – кровь засохла на его щеке. Ссадина словно черная отметина.

– Пойдемте, Федор Матвеевич, – настойчиво сказала Катя. – Поздно уже. Все разошлись.

Он помедлил, потом вышел, закрыл кабинет. Они спускались по лестнице. Катя пыталась вспомнить – где его плащ? В кабинете оставил, что ли? Или он в машине? Гущин сунул руки в карманы пиджака.

Холодный промозглый ветер. Огни Никитского переулка. Гущин пешком направился к Тверской, словно забыв о машине. Катя плелась следом.

Ночь, мокрый асфальт, Тверская.

Они перешли по подземке на другую сторону к Камергерскому переулку. Катя вдруг поняла, что Гущин не просто бредет, он куда-то направляется – у него есть какая-то цель. А какая цель в Камергерском – этом бессонном оазисе, где неоновые вывески баров, пабов, ресторанов и кафе слепят глаза?

– Хуже нет сейчас выпить.

– Поговори у меня.

– Не поможет это, Федор Матвеевич.

– Поучи, поучи меня жить.

– Я не учу. Я плачу. Ни в чем вы не виноваты. Это я вас навела на этого Титова. А вы его даже сейчас полностью виновным в убийствах не считаете. А я, когда его мейл Анаис прочла, посчитала, что это он и есть убийца.

Гущин медленно брел мимо баров Камергерского переулка.

– Но это может и он быть, Федор Матвеевич. А его мать вас ударила. И я... я злая на нее сейчас. Хотя мне ее и жаль до слез. Потому что все это несправедливо.

– Ее единственный сын мертв, – Гущин обернулся.

– Дайте я хоть кровь вам сотру. А то вид жуткий, – Катя забежала вперед и достала из сумки пакетик влажных салфеток.

Гущин остановился. Она начала стирать кровь с его разбитого лица. За ними из темной арки наблюдали, хихикая, две размалеванные проститутки. В Камергерском орали пьяные.

Гущин двинулся в сторону Петровки. И вот уже они бредут по ней. Здесь магазины, бутики закрыты, рестораны тоже, а вот бары работают.

Знаменитый бар «Менделеев».

И дверь в дверь с ним столь же знаменитый бар «Горохов» – тайная богемная дыра для «посвященных»: наверху в зале нудл-хаус, японская лапша и суши, а лестница в подвал скрывает «кущи» – разубранный, словно драгоценная табакерка, дорогой бар, где прежде коротали ночи и олигархи, и кремлевские, и делеги из провинции, приехавшие улаживать дела и искать высокого покровительства, и «решалы» разных мастей и рангов, которые как-то за последние годы развеялись, расточились, словно дым в ночи, уступив место сначала разного рода «спецам по конфликтам» с небритыми рожами, пивными животами и южным простонародным акцентом, а потом и вообще всякой разномастной камарилье – кокаинистам, мажорам, разведенным богатым женам, брошенным любовницам, бывшим эскорт-моделям, футболистам, списанным со счета, олимпийским чемпионам, со скандалом лишенным медалей за допинг, разорившимся банкирам, покерным шулерам, собирателям криптовалют и прочая, прочая, прочая.

На входе в оба бара стоял охранник – сушая деревня в кожаных портках и косухе. Он что-то забурчал. Но Гущин только глянул на него. А тот тоже лишь глянул на его ссадину на скуле, на его плечи, на Катю, выглядывающую из-за его широкой спины. И распахнул дверь. И они вошли в совершенно пустой (третий час ночи) и сумрачный зал японской лапшичной. При свете тусклого фонаря обнаружили ту самую лестницу и...

Катя вспомнила, что это за бар такой, «Горохов». О нем упоминал таксист – именно отсюда он забрал вечером в пятницу Викторию Первомайскую и привез ее в «Светлый путь». Значит, Гущин явился сюда не просто напиться, залить душевный пожар коньяком и водкой.

Спустились.

Шум, пьяный гам. Сигаретный дым.

Здесь курили.

Здесь играла музыка.

И бар был набит битком.

Гущин направился прямо к стойке красного дерева, за которой орудовал ловкач-бармен, ну просто жонглер цирковой, готовивший коктейли клиентам, сгрудившимся у стойки.

– Вы вчера работали? – спросил его Гущин.

– А в чем дело? Я комментариев не даю. Вы в зеркало давно смотрелись?

Гущин показал ему удостоверение.

Бармен не стушевался, однако все с большим любопытством созерцал разбитую физиономию полковника полиции:

– Бандитская пуля?

– Работал вчера, в пятницу вечером? – терпеливо повторил Гущин.

К Кате в этот момент, дыша сладким ромом коктейля, придвинулась какая-то бородатая рожа, облаченная в мятый, воняющий нафталином и клопами казачий мундир и синие портки с лампасами.

– Красотуля, угощаю, а? – казачий мундир с лампасами еле языком возил. – Ты че такая трезвая? Это... ну, улыбнись... не вишь, атаман гуляет... Йех, эскандрон моих мыслей шаль-ныыыыых!

Он попытался облапить Катю, подмигивая опухшим глазом бармену – мол, давай, налей девке московской, казак донской угощает!

– Отвали, – сказал Гущин.

– А в морду? О, да ты уже свое получил.

– Отвали, сказал.

«Атаман» уставился на Гущина, как и деревенщина в кожанке на входе в «Горохов», косящая под известного байкера гинеколога.

Видно, он не увидел во взгляде Гущина ничего для себя позитивного. Поэтому сполз с барного высокого стула и заковылял, пошатываясь, сквозь толпу танцующих и пьющих.

– «Союз русского народа» посрамлен. Но остался еще «Союз Михаила Архангела», – бармен за стойкой откровенно ржал. – Черносотенцы отступили. А я не работал вчера. Не моя смена.

– Есть кто здесь у вас в баре из персонала, кто вчера, в пятницу, работал вечером? – спросил Гущин.

– Она, – бармен указал глазами куда-то в глубь бара.

Катя проследила за его взглядом. Она была уверена – наверняка бармен имеет в виду какую-нибудь местную этуаль, ночную бабочку, караулящую пьяных клиентов с деньгами. Но бармен указывал на женщину под шестьдесят, стоявшую в дверном проеме на фоне алой бархатной шторы с золотыми кистями, что словно занавес укрывала служебные помещения бара и кухню. Женщина была в черном бархатном платье с глубоким вырезом, ее испитое худое лицо и обнаженные руки покрывал темный загар из салона красоты. Волосы она выкрасила в невероятный баклажановый цвет.

– Повар, что ли, ваш или сомелье?

– Ида, – ответил бармен. – Она здесь и хостес, и бухгалтер-менеджер, и за нами надзирает за всеми, чтобы деньги и чаевые не воровали. Она работала здесь вчера. Она часто тут торчит.

Глаза у Иды были круглые, как у совы, и густо подведенные черной тушью. Она смотрела прямо на них, видно, ее привлек конфликт у барной стойки.

Гущин и Катя через танцпол пошли к ней. К Кате снова пристали какие-то пьяные, они тут прямо липли как мухи. Гущин демонстративно положил Кате на плечи тяжелую руку, обнимая ее – отвалите, моя. Катя не пререкалась и не возражала. В баре «Горохов» не слушают слов и объяснений, тут смотрят на жесты. А жест Гущина был красноречив.

– Полиция области, – тихо сказал Иде Гущин. – Где мы можем с вами поговорить?

Она пожалала острыми плечами, повернулась и скрылась за бархатной шторой. Они пошли за ней по узкому коридору, пропахшему сигаретным дымом. Хостес открыла дубовую дверь напротив кухни – маленький офис без окон. На столе ноутбук, он подключен к камере в зале, чтобы видеть все, что там происходит.

– В чем дело? – спросила она сипло. – Какой закон мы опять нарушили?

– Вы работали вчера вечером?

– Да.

– Эту женщину вчера в зале не видели?

Гущин достал смартфон и открыл фото, переснятое со снимка в паспорте Виктории Первомайской-Кулаковой.

Хостес кинула взгляд на фото. Села в кожаное кресло за стол, сложила руки на груди.

– Вика, – сказала она. – Постоянная клиентка нашего бара. И не трудитесь объяснять – я слышала новости и в интернете читала. Убили ее и ее мамашу-писательницу.

– Знаете. Тогда время сэкономим, – Гущин стоял напротив нее. – Расскажите мне о вашей постоянной клиентке Вике. Пожалуйста.

– Она алкоголичка со стажем. Давний перманентный запой.

– И?

Ида смотрела на Гущина. Потом пожалала плечами:

– И все.

– Нет, не все.

Катя подумала – знает эта прожженная баба что-то. Но не скажет. И что Гущин станет делать с ней? Угрожать, как тупые коллеги с Петровки? Мол, к черту закрою эту лавочку, а тебя посажу за... повод всегда найдется.

Гущин достал из кармана бумажник. Положил на стол перед хостес пять тысяч.

Покупает информацию у агента-инсайдера.

Ида усмехнулась, потом сипло расхохоталась.

– Да ты что, мент? Я в свои лучшие дни за час в три раза больше зарабатывала.

– Ваши лучшие дни позади.

– Ну ладно, все деньги. Это мне на конфеты. На кокос. Да шучу, шучу, я не балуюсь с наркотой. В молодости давно с этой дрянью завязала. Задавайте ваши вопросы.

– Вы тут вроде хозяйки бара?

– Хозяйки? Нет. Это мой бывший – второй муж кусок хлеба мне оставил. У него доля здесь, в этом баре. Он условие поставил, чтобы мне здесь работу дали – ну, как его представительнице в бизнесе. Сейчас ведь мужик какой сволочной пошел – чуть жене за сорок пять, сразу вон ее, на свалку истории. А сам двадцатилетнюю подцепит и обрюхатит тут же. Мой-то хоть таким способом обеспечил меня. Не то чтобы очень, но на жизнь хватает. Только устаю я здесь. Вы-то, я вижу, тоже из этих разведенцев.

«Как узнала, что Гушин развелся?» – поразились Катя.

– И напарница у вас картинка, – хостес сипела насмешливо. – Рисуетесь перед ней.

– Вика одна ваш бар посещала или в компании? – Гушин не стал отвечать на подначку.

– Компанию она себе здесь искала.

– И как? Успешно?

– Вы ее убийцу ищете?

– Рад, что вы догадались.

– Здесь у нас убийцы есть. И такие, что в людей стреляли. Бахвелятся этим. Но они все больше по проституткам молодым спецы, Вика-то уже стара для них была. Она сама тут охотилась, пока до чертей не допивалась. Месяца два назад подцепила тут себе одного. Как львица за него сражалась. Я даже испугалась – думала, они ей голову проломают. Но она победила.

– Поясните свои слова, пожалуйста.

– Ну, у нас случаются драки время от времени, – хостес снова усмехнулась. – Раньше все из-за политики дрались. Брюхоногие консерваторы против хипстеров-либералов. Этим всегда доставалось. Чего я тут только не насмотрелась. Потом этим, кураторам-то ихним, видно, самим тошно стало. Да и народ наш богоносец малость опомнился, перестал воспринимать выжигание глаз оппозиции зеленкой и публичное обливание говном журналисток как светлый национал-патриотический акт, а стал про скотство и бандитизм бухтеть в соцсетях. Так что схлынул тот мейнстрим, время изменилось. Сейчас драки в основном из-за баб, бабла и долгов. Ну и это самое – кто не так одет, не так смотрит. Кто гей, кто не гей. Парень-то этот чем-то тем двоим не приглянулся. Хотя парень-картинка, прямо мальчик золотой. Они его там, наверху, на улице подкараулили. Начали избивать. Меня наш охранник Афоня позвал. А что я могла? Мы полицию никогда не вызываем, хоть у нас тут эта ваша Петровка, 38, в двух шагах – бесполезно. Они там сразу все такие глухие и слепые. И ничего не знают, прямо Незнайки на Луне. Может вам неприятно, что я ваших коллег-полицейских хаю? Вы же мне бабки заплатили за слив.

– Нет, ничего, продолжайте, – сказал Гушин.

– Так что я в полицию не стала звонить, когда они его вдвоем стали бить нещадно. И самой лезть не хотелось. А Вика... она уже под такими шарами была, ей море по колено. Она выкатилась тачку ловить. Время-то позднее. И увидела, как они его убивают там.

Двое дюжих амбалов избивали парня-блондина. Они сбили его с ног и пинали, а он все пытался встать.

– Эй, сволота! Задроты! – звонко на всю улицу крикнула им Виктория Первомайская – пьяная и разодетая в пух и прах. – Вы чего делаете? Оставьте парня в покое!

– Пошла ты, стерва!

– Уже иду, яйца береги, – она нагнулась, сдергивая с ноги босоножку на высоченном каблуке и толстой платформе.

– Я прямо испугалась за нее и это... восхитилась, – хостес покачала головой. – Как она на них налетела!

Виктория Первомайская подбежала к дерущимся и с размаха ударила одного из нападавших каблуком босоножки, как палицей, прямо в пах. Тот ахнул, согнулся, зажимая рукой промежность и воя. А она, тоже воя и крича матом, кинулась на второго. Ее острые наманикюренные ногти полоснули его по щеке, она едва не добралась до его глаз, словно разъяренная...

– Не кошка – львица, – сказала хостес. – В первый и последний раз я видела, чтобы баба так отчаянно дралась. Видно, парень-то этот... золотой мальчик ей приглянулся. И не гей он никакой. Это им померещилось. Просто красавчик. И такой бабник, прости господи.

Хулиган, получивший каблуком в пах, корчился и выл. Его приятель махал кулаками, стараясь отогнать от себя разъяренную пьяную Викторю Первомайскую.

– Я сказала охраннику – пора, мол, один не двое, у одного уже яйца всмятку, а второго ты уж как-нибудь осилишь. Пора эту свару кончать. Ну, охранник и вмешался. Эти двое быстро убрались. А Вика... она опустилась на колени возле парня избитого. Помогла ему встать и поволокла на себе назад в бар, – хостес оглядела свой маленький офис. – Сюда я ихпустила. А сама пошла наверх. А когда вернулась часа через полтора...

Она подошла к двери и услышала сладкий стон. Открыла дверь – узкую щелку.

– Он уж ей долги платил. Золотой-то мальчик. Быстро они сладили дело.

Хостес увидела их на кожаном офисном диване, страстно целующихся. Видно, не так уж и сильно избили парня, если он так быстро восстановился в объятиях женщины, годившейся ему в матери.

– Истово он трудился. Платил долг за спасение. Вика-то вся раскрылатилась, когда он ее поцелуями тут осыпал. Минут через двадцать они вышли. Он ее выпивкой угостил. А потом они вместе уехали.

– И что было дальше?

– Появлялись вместе порой. А порой она злая как черт его тут разыскивала с собаками. Он ведь такой вертопрах. Волосы как золото. И язык подвешен. Очаровывает нас, курв. В любовниках-то такого вертопраха держать – боль одна. Но Вика, видимо, прониклась к нему глубоко. Вроде как шанс последний, вспышка страсти перед вечной зимой.

Катя внимательно слушала эту повесть временных лет. И тут любовная драма и битва. И мать, и дочь Первомайские оказались в схожей ситуации. Но каждая по-своему.

– А кто он? Вы его знаете? – спросил Гушин.

– Тут же бар. Тут о себе правды никто не скажет. Пьяный лепет, слухи. Вроде как он прежде работал в ЦУМе в каком-то крутом бутике. Туда красавцев-говорунов набирают. Там строгий отбор. Ну, по нему и видно. Любой кастинг пройдет с такой внешностью. А потом в бутиках ЦУМа грянуло сокращение. Там же скукоживается все, ужимается. Его уволили. Но его тянет сюда, в эти наши места – Петровка, Дмитровка, дольче вита. Тут еще встречаются богатые тети-Моти, как в заповеднике.

– А вчера вечером он с ней здесь был?

– Нет. Она испсиховалась вся. Видно, потеряла его. А может, поссорились. Она все названивала по телефону – это я видела. И пила. И домой уехала относительно рано. Может, дозволилась ему, нашла его?

– Имя его знаете? Фамилию?

– Его зовут Егор. Больше ничего о нем не знаю. Прибавьте еще на конфеты, а? Разве я не заслужила?

Гушин достал деньги. И они с Катей покинули бар.

Гущин поднял руку и остановил такси. Четыре часа утра. Даже Петровка впала в сонную летаргию. К тому же дождик пошел – хлябь сентябрьская. Катя все еще была под впечатлением от рассказа о превратностях любви.

– Езжай домой, – сказал ей Гущин.

– А вы?

– И я поеду домой. Может, пройдусь еще немного.

– Под дождем? Нет. И не надо вам одному быть. И дом у вас неуютный, Федор Матвеевич. – Катя распахнула дверь такси. Таксист слушал их. – Вам отдохнуть надо. Вы на себя не похожи. Я вам чаю крепкого заварю. У меня дома джем апельсиновый. И мед. Что пожелаете. И вообще вам надо поспать.

Гущин как-то криво, мягко, почти растерянно усмехнулся. Катя подумала – и он под впечатлением от рассказа пропитой хостес. Он молча сел в такси. На заднее сиденье. А Катя села рядом с шофером, назвала адрес домашний: Фрунзенская набережная.

Дома она оставила Гущина в гостинной.

Прошла на кухню, заварила крепкий чай. Достала джем из холодильника, мед, нашла печенье. Поставила чайник, чашку, угощение на поднос и понесла Гущину. Тот сидел на ее диване без пиджака. Белая рубашка в бурых пятнах. Галстук он снял.

– Пейте чай, Федор Матвеевич, – Катя подумала – он никогда у нее не был в квартире... Или был? Несколько раз заезжал за ней домой, когда они ехали на происшествие, но вроде в квартиру не поднимался. А уж на диване вот так расслабленно точно не сидел никогда. В Главке с ума сойдут, узнав, и будут молотить языками до Нового года, обсуждая...

А что тут обсуждать? Хуже нет ему сейчас в таком состоянии, в отчаянии после смерти Титова, быть одному на какой-то там новой квартире у черта на куличках. Пусть лучше репутация пострадает от сплетников, зато она будет за него спокойна сегодня.

Она оставила его в гостинной одного за чаем. Пошла в спальню, разделась. Сил уже не было ни на что.

Какой же долгий день...

Какая темная странная ночь.

Во сне или в полузабытьи она услышала шум воды в ванной.

Потом все затихло.

Потом хлопнула входная дверь.

Катя глянула на электронный будильник.

Уже восемь утра. А за окном пасмурно и хмарь.

Она выползла из постели и скользнула в комнату – пусто. Дверь ванной открыта, оттуда шла волна влаги.

Умылся, нарядился и уехал. Сегодня воскресенье.

Пискнул смартфон, пришло смс.

«Поспи, отдохни, – писал Гущин. – Спасибо. Я оценил. Ссадину заклеил пластырем. В ванной в аптечке нашел. С утра будем информацию собирать. Это дело не кончено. Вечером поеду в «Светлый путь». Как отдохнешь, дай знать. Если, конечно, хочешь и дальше в этом участвовать... Надо там у них в доме кое-что проверить с экспертами».

Глава 8

Эксперимент

Вечер – понятие растяжимое.

Катя долго спала, вся ее натура требовала сна и отдыха после безумной субботы. Ни о какой пробежке в Нескучном саду, естественно, уже и речи не было. Когда вы едва-едва разлепляете сонные веки в третьем часу дня, какой может быть бег для здоровья и фигуры? С чего поправляться-то? С одного завтрака перед вчерашним походом на выставку?

Однако после душа Катя заставила себя поесть плотно. Сделала большой омлет с помидорами и сыром. Напилась кофе. Не завтрак уже, а обед. За кофе она размышляла о послании Гущина. Он ей никогда раньше не посылал смс. И завтракать не остался, ушел спозаранку. *Можно, конечно, уже во всем этом и не участвовать...* Он так сказал. А Главк и высокое начальство уже отчитались о раскрытии убийств по горячим следам и назначили виновного.

Она открыла ленту новостей на смартфоне. Читала собственное сочинение – комментарий для прессы. Его озвучили все массмедиа. Но официальный комментарий тонул в море других комментариев, полученных журналистами от...

Катя поняла сразу: все инсайдеры и информаторы – из клуба «Аркадия». К счастью, сведения о положении дел в доме Первомайской на момент осмотра в прессу и интернет не утекли. С сиделки и Эсфирь Кленовой взяли подписку о неразглашении. А вот «аркадские» языки стрекотали, рассказывая про Ивана Титова и Анаис Первомайскую-Кулакову. Упомянулась и драка с ножом. Но фамилия Лебедева не фигурировала, писали о «клиенте клуба, подвергшемся нападению». Пресса задавала риторический вопрос: даже если не все пока ясно с Иваном Титовым, почему он побежал при виде полицейских?

А и правда. Самый важный вопрос. Если это не он убил семью, почему он побежал, едва увидел их с Гущиным и услышал слово «полиция»? Ответ у Кати имелся только один: Титов вспомнил о своем послании с угрозами, отправленном Анаис на рассвете. Это же прямая улика против него. По ней его и нашли так быстро. Или он совсем ополоумел от крови и ничего уже четко не соображал? У него травма головы, на это начальник Главка особо упирал – неконтролируемая агрессия, неадекват, неспособность к осмыслению последствий.

Катя вспомнила мать Титова Светлану. Возможно, какие-то ответы есть у нее. Но после произошедшего в морге между ней и Гущиным наивно надеяться, что она согласится давать показания. Ревность и отвергнутая любовь вселяли в ее сына ярость, но ее материнская ярость, замешанная на великом горе, столь же сильна.

В пять часов вечера, одевшись для поездки в «Светлый путь», Катя позвонила Гущину.

– Отдохнула, Федор Матвеевич.

– Хорошо. Я тут в Главке тоже закрутился. Значит, ты...

– Я с вами, – сказала Катя. – Вы это дело раскрытым не считаете. Я... у меня сомнения, но я... в любом случае я с вами. Только я волнуюсь за вас очень. Вы теперь из-за этого Титова умереть готовы, чтобы перед его матерью...

– Поживу пока, – сказал Гущин. – Не забивай себе голову ерундой.

«Пистолет у него табельный надо как-то отнять, предупредить, что ли, наших в розыске? – подумала Катя. – Сердце не на месте. «Пока»... что это он имеет в виду?»

Она закрыла квартиру, проверила сумку и спустилась во двор. Гущин приехал через десять минут. Он снова сам был за рулем.

Всю дорогу Катя разглядывала его затылок, сидя на заднем сиденье, и встречалась с ним взглядом в зеркале. Если он и воспользовался утром пластырем, то сейчас тот отклеился. Ссадина придавала полковнику какой-то разбойничий вид. Он и точно словно помолодел. И еще

похудел. Он был гладко выбрит, одет в другой костюм – безупречно отутюженный – и новую рубашку. Галстук, как всегда, со свободным приспущенным узлом.

Достигнув Внуково, они вновь въехали «на дачи» через КПП «Московского писателя». На доме охраны читалось «Лукойл». Кто здесь обитает теперь, оказывается... В избушке-зимовье во мраке лесном...

Смеркалось. Вечер на удивление выдался невероятно теплым и погожим. Все же какая-то жизнь теплилась на больших дачах. За монолитами заборов лаяли собаки. Пахло горьким дымом костров из осенней листвы. Среди елей и сосен за заборами светились вторые и третьи этажи особняков.

У дома Первомайской стояла полицейская машина. Гущина и Катю встретили оперативник и двое экспертов-криминалистов. Во всем доме горел свет.

– Все как в тот вечер, как вы и просили, – сказал эксперт. – Стараемся восстановить обстановку. Сейчас еще телевизор включим.

Гущин кивнул. И пошел не в дом, а на дальний конец участка – туда, где забор был ниже и упирался в лесной косогор. Там шли густые заросли. Гущин подошел к забору и повернулся к дому лицом. Катя сделала то же. Сквозь кусты и деревья виднелись ярко освещенные окна.

«Свет солнца и тени»...

– Ошибиться он не мог, знал, что они там, – сказал Гущин.

Он постоял минуту, разглядывая дачу, потом они с Катей направились через фруктовый сад к террасе – туда, где было выбито окно. Электрический свет слепил глаза. Газон, засыпанный палой листвой перед террасой в круге света. Все как на ладони.

Гущин направился к входной двери, оглядя дом. И они с Катей вошли внутрь. Тела давно увезли в морг. Дом опечатала полиция. Внутри обстановка все та же. Гостиная, разгромленная кухня. Полковник Гущин сначала направился через все комнаты к кабинету Клавдии Первомайской.

Тело убрали, но лужа крови – вот она, на паркете. И запах... ужасный...

Катя глянула на Гущина. Сунула руку в сумку, выхватила пузырек с нашатырем. Обычно такое добро всегда возил с собой старый патологоанатом – приятель Гущина. Пузырек нашатыря и... ватку для шефа криминального управления. И она переняла у него эту полезную привычку. У экспертов есть мазь специальная, но пока допросишься, в обморок шлепнешься от вони. И ходить с белыми ноздрями целый день не такая уж радость. А нашатырь... это летучая субстанция.

Катя молниеносно поднесла нашатырь сначала к своему носу, вдохнула и сунула пузырек под нос Гущину. Он закашлял. Замахал руками. Заморгал. Вытащил мобильный и захрипел в него:

– Давайте, мы в кабинете, – закрыл дверь.

Они стояли посреди кабинета. Запах крови сквозь нашатырные пары не ощущался – и на том спасибо.

– Кокаинчика нюхнуть, а? – спросила Катя, потрясая пузырьком. – Еще слабо?

Гущин забрал у нее пузырек и припал к нему. Зазвонил мобильный.

– Ничего, – ответил Гущин на какой-то вопрос. – Сейчас дверь открою. Давайте снова.

Открыл дверь кабинета. Они подождали минуты три.

– Слышишь что-нибудь?

– Нет, Федор Матвеевич. А что я должна слышать?

– Звуки взлома на террасе.

В кабинет заглянул эксперт.

– Мы там стараемся вовсю, Федор Матвеевич.

– А тут глухо. В кабинете ничего не было слышно.

– Ей же, этой старухе, сто лет. Спала – пушкой не разбудишь.

– Она не спала, – ответил Гущин. – Но и мы ничего не услышали. Отсюда не слышно. Дом большой. Так, идем на кухню.

Они с Катей перешли на кухню. И снова все повторилось. При закрытой двери. При открытой двери.

– Ничего не слышно, – заметил Гущин.

– Анаис могла не здесь находиться, – Катя разглядывала опрокинутые стулья, которые так и валялись на полу. – Она сюда убежала от убийцы.

– Да. А могла и на кухне торчать. Пышки любят по вечерам холодильник инспектировать в поисках вкусного. Однако и на кухне шума от взлома террасы не слышно.

– Анаис худела, помните, что нам тренерша по йоге Нелли о ней сказала? – Катя глядела на огромный встроенный холодильник.

Гущин направился в гостиную.

И вот там они все услышали сразу. Звон стекла. Треск, грохот.

Гостиная ведь примыкала к террасе. Гущин открыл дверь. Посреди террасы стояли эксперты. У одного – пластиковые мешки для мусора, полные пустых стеклянных банок, и он колотил по ним полицейской резиновой дубинкой. Имитировал звон разбитого стекла в окне. Другой эксперт кувалдой бил по пустым деревянным ящикам, тоже запакованным в пластик, чтобы щепки по полу не разлетались. Не ахти какая имитация, но все же...

– Шум взлома Виктория Первомайская должна была услышать сразу, – сказал Гущин. – Правда, она пила в тот момент. И до этого пила в баре. Все зависит от того, в какой степени опьянения она находилась. Но такой шум с террасы тот, кто сидел в гостиной, и мертвым бы услышал в отличие от тех, кто находился в этот момент на кухне и в кабинете.

– И что вы хотите этим сказать? – спросила Катя.

– Я хочу понять, а был ли взлом, – Гущин смотрел на выбитые двери террасы. – За одну секунду это не взломаешь. Минут пять надо возиться и шуметь.

– Двое из троих шума точно не слышали, – заметил эксперт. – Мы с вами это сейчас доказали. И мы телевизор пока так и не включили. А в кабинете-то старухи он работал.

Катя подумала – а я и не видела телевизор. Так ее труп Первомайской напугал и эта бронзовая скульптура «Зимовья». Портрет ее видела, стол ее рабочий видела, книги ее видела на полках... Там где-то плазменная панель, наверное...

Они вышли из дома. Эксперты собирали свой «экспериментальный реквизит». Снова опечатывали дом. Гущин сел на садовую скамейку. Смотрел на гараж, в котором стояла машина Виктории Первомайской. Снова достал телефон и позвонил, включил громкую связь, чтобы и Катя слышала его разговор.

– Эсфирь Яковлевна, это полковник Гущин, уголовный розыск.

– Что вы наделали, полковник? – голос Эсфири звучал как из гроба. – Ваня наш... Я в новостях слышала...

– Вы звонили его матери?

– Да. Как только узнала сегодня утром из новостей. Что же вы наделали?!

– Вы его виновным не считаете?

– Да вы мне хоть сто доказательств предъявите, я все равно... никогда... Они оба – он и Анаис – росли у меня на глазах. Он хотел на ней жениться, у Клавдии просил ее себе в жены.

– Я знаю. А ему отказали. И он взбесился.

– Все бы сладилось со временем. У Анаис просто были романтические фантазии. Со временем она бы одумалась. Он. Ваня... где бы она себе лучше мужа нашла? И мы все это понимали. И ее мать, кстати. И я. Она красотой не блистала. А то, что они из-за детей поскандалили – Клавдия и Света... это... Да мало ли что в семье случается? Мы были семьей. Понимаете вы это? За столько лет совместной жизни – мы были единой семьей. А вы... полиция...

вы бессердечные, глупые, вы не понимаете простых житейских истин. Вам лишь бы схватить человека, замордовать его! – старуха-литсекретарь зарыдала в трубку.

Катя смотрела на Гущина. И опять его бьют – лупят...

– Федор Матвеевич, прекратите, дайте отбой. Не надо с ней сейчас...

Но он не заканчивал разговор. Слушал рыдания Эсфири.

– Что там с наследством Анаис и ее отцом? – спросил он.

Эсфирь Кленова умолкла. Перестала плакать.

– Это тут тоже совершенно ни при чем.

– Нам надо это знать. Кто был отцом Анаис?

– Леонид Мокин. Узник Лазурного Берега.

– Это тот, которого в Ницце за неуплату налогов посадили и имущество арестовали – яхты, виллы?

– Он. «Что дадите – все приму, ссылку, каторгу, тюрьму, но желательно в июле» на Лазурном Берегу. – Эсфирь закашлялась. – Инсульт от расстройства в шестьдесят шесть лет схлопотал. И похороны по высшему разряду на Троекуровском. У него с Викой никогда официального брака не было. Но Анаис он признал как дочь сразу. У Клавдии есть квартира, кроме этой дачи, в высотном доме на Кудринской площади. Небольшая, правда, двухкомнатная, они там не жили. Мы всегда жили во Внуково, в «Светлом пути». А он – Мокин – купил в конце девяностых там две квартиры сразу и начал делать ремонт – прямо над нами. И Вика с ним сначала дико скандалила. А потом скандал утих, и они... в общем, они сошлись. И родилась Анаис. Он все эти годы давал деньги на ее содержание и учебу. Но когда умер, оказалось, что в завещании он все оставил второй своей законной молодой жене и детям от обоих законных браков. Их у него четверо – законных. И пять еще незаконных от разных любовниц. Нам звонили его адвокаты. Виктория и Анаис и так никогда бы ни на что не претендовали. Там это было невозможно. Завещание прямое, его трудно оспорить. Так что Анаис ничего не получила. Их с Викторией не могли убить из-за этого. Из-за его денег.

– Но Анаис получила членство в клубе «Аркадия»? – спросил Гущин.

– Нам звонили, да. Это было его желание. Чтобы она занималась там, это же очень пафосное место, Мокин его когда-то давно посещал. Анаис там понравилось. Она получила сертификат. Как память об отце. Он был такой безалаберный тип. Но не злой. Просто неумный ходок. Вика не смогла ему простить, что он на ней так и не женился. Все эти ее пагубные страсти...

– Алкоголь?

– Их разрыв с отцом Анаис все лишь усугубил, – сказала Эсфирь Кленова. – Я над наследством, как причиной, тоже думала, когда в беседке вчера сидела. Но нет. Они – Вика и Анаис – ни гроша не получили. И не светило им ничего. Так что это не причина убивать.

Глава 9

Черный лебедь

После разговора с Эсфирью Гущин достал из кармана пиджака пачку сигарет и закурил.

Что же вы наделали, полковник?

Голос старухи все звучал в ушах Кати. Быстро темнело. На «Светлый путь» опускался теплый пасмурный безлунный вечер. Сигаретный дым...

Гущин снова начал звонить. И опять Катя все слышала. Позвонил сначала патологоанатому. Что со вскрытием? Патологоанатом ответил, что начали работать, но это исследование не одного дня – их же трое.

– Что там с нижней одеждой Виктории Первомайской? – спросил Гущин.

– Без белья.

Катя вспомнила рассказ хостес из бара – золотоволосый вертопрах по имени Егор, спасенный от пьяных хулиганов. Комбинезон от «Дольче Габбана» на голое тело при поездке в бар в возрасте пятидесяти пяти лет – многозначительная деталь.

Затем Гущин позвонил экспертам-баллистикам. Спросил, что с гильзами, собранными на месте убийств.

– Гильзы от патронов 9,7 калибра. Не чистые, много царапин, – отвечал эксперт. – Мы сначала предположили, что это пистолет «беретта». Но модель смущает – это может быть лишь «беретта» 1935 года, а это старье, они выпускались до середины шестидесятых. Так что это маловероятно. Скорее всего, этот калибр подбирали под травматику, переделанную под стрельбу боевыми патронами. Порой случается такая неумышленная имитация. Но мы только начали исследования. Выводы по гильзам и по трасологии в заключении дадим.

– «Беретта» тридцать пятого года, – хмыкнул Гущин. – Интересно. Коробка на восемь патронов у такого пистолета. В доме было истрачено шесть, два патрона оставались для старухи даже без перезарядки.

Он докурил сигарету, глянул на часы.

– А теперь куда, Федор Матвеевич? – спросила Катя.

– В клуб этот, в «Аркадию», хотел захватить. Нам в любом случае показания Лебедева необходимы.

– Так время уже к девяти часам. У них что там, фитнес допоздна?

– В будни да, а сегодня воскресенье. У них по выходным вечеринки для своих, – Гущин направился к машине. – Как мы выяснили сегодня, «Аркадией» владеет некая Алла Ксаветис, ей сеть фитнес-клубов досталась после громкого развода с мужем. Но от сети остались лишь «Аркадия» да фитнес-клуб в Померанцевом переулке, остальные разорились. И доли там проданы юридической нотариальной фирме «Гарфункель, Парамонов и партнеры». Герман Лебедев, кстати, в этой фирме младшим партнером. Он сейчас представляет интересы Ксаветис и занимается юридическим сопровождением клубных дел.

– Он ее... Помните, что Нелли нам о нем сказала?

– Возможно, и так. Хозяюку допросить не удастся – она пять дней назад улетела на Кипр. И пока неизвестно, когда вернется. А Лебедев сегодня работает в офисе в клубе. Мне менеджер сказала, он часто работает по выходным и засиживается допоздна.

Они снова отправились в «Аркадию». Кате не хотелось туда. Там, в «Аркадии», началась их погоня за Иваном Титовым, окончившаяся так страшно.

«Аркадия» встретила их темнотой, огоньками в парке – мерцала подсветка, горели масляные светильники-факелы в каменных чашах. На КПП их пропустили молча и угрюмо.

Звуки джаза...

И тот самый темный вальс Питера Гандри откуда-то из глубин парка. Видно, здесь все от него кайфовали.

Катя и Гушин оставили машину на стоянке и пошли к главному корпусу. На лужайке – огоньки, огоньки. Свечи под стеклянными колпаками, кейтеринг ресторана – вышколенные официанты у накрытых для ночного ужина столов. Барбекю, открытый бар, шведский стол с закусками. На подносах фужеры с шампанским и просекко. И при этом совсем мало гостей. Катя заметила лишь несколько пар. И еще стайку каких-то разряженных девиц, пьяных и томных. Время фитнеса уступило времени ночных развлечений. Только развлекались единицы. Обслуги было больше, чем гостей.

По дорожкам парка катались на цирковых колесах жонглеры, клоун-меланхолик подкидывал в воздух белые тарелки. Полуголый акробат, одетый факиром, изображал глотателя огня – выдувал целый факел оранжевого пламени. Ему вяло аплодировали из кустов, где скрывались столики и мягкие кресла.

Тихая, замогильная какая-то рублевская вечеринка – одна из последних на вольном воздухе перед осенним ненастьем.

На ресепшен в главном здании дежурила Нелли в странном костюме Белой Коломбины – ее набеленное и густо покрашенное лицо напоминало гипсовую маску.

– Карнавал тут у вас воскресный? – спросил Гушин, поздоровавшись с ней.

– Администрация старается хоть как-то прежних клиентов привлечь. Сейчас же все по домам сидят, кто не уехал. – Нелли вздохнула. – Это раньше по клубам тусовались, а сейчас дома у комелька. Зря все это, деньги на ветер. Мы, наверное, разоримся скоро. Придется другую работу искать.

– Герман Лебедев здесь? – спросил Гушин. – Нам надо с ним побеседовать.

– До сих пор в офисе. Сейчас я ему позвоню. Скажу, что опять полиция приехала, – Нелли набрала внутренний номер. – Герман, к вам приехали. Да, опять эти... хорошо, поняла. Она указала рукой в сторону лужайки.

– Офис – первое бунгало по аллее. Он к вам сейчас выйдет.

Они пошли. Катя оглянулась – Нелли подозвала жестом сотрудницу, тоже одетую Белой Коломбиной или шахматной пешкой, словно просила подменить ее на ресепшен.

Они обогнули лужайку. Джаз стихающий... вальс-фантом, уплывающий в ночное небо – и раз, два, три... Мелодия скрипки... Что-то о потерях, боли и разбитых мечтах.

Она попыталась представить толстушку Анаис здесь, среди этого полумертвого карнавала. Миллениалы помешаны на розовом... Кошечка Китти. Необъятные шорты. По утрам и днем – пилатес и йога, а по ночам – шампанское и...

Вон двое на мягком диване за столиком уже колесами успели закинуться, отплыли в нирвану.

Герман Лебедев уже ждал их возле офиса. Если он что-то и выпил на этой вечеринке, то сейчас это по нему не было заметно. Одетый в строгий черный костюм-тройку и белую рубашку, он походил на очень красивого похоронного агента. Черный галстук приспущен, волосы снова слегка растрепаны. Он курил сигарету.

– Полиция Московской области, – Гушин официально представился. – Нам в прошлый раз не удалось с вами побеседовать. А это необходимо.

– Я понимаю. Я слышал в новостях. – Герман Лебедев глубоко затянулся сигаретой. – Ужасно. Шок. Мы все здесь все еще до конца не можем поверить. Двойной шок.

– Вы были знакомы с Анаис, как нам тут сказали.

– Она занималась здесь, в клубе.

– Но вы с ней общались.

– Да. Тут был неприятный инцидент. Мне пришлось вмешаться.

– Мы в курсе, – Гушин разглядывал его.

Катя, надо признаться, тоже. Такой мужчина... Боже, боже... Но сейчас у него вид какой-то... словно он на все махнул рукой. Отчаяние, безысходность... Он горюет, что ли, так сильно о девушке, за которую заступился перед ее ревнивым приятелем, когда тут, в «Аркадии», разыгралась та трагикомедия с поединком и лопнувшим лифчиком?

– А после той драки что было? – спросил Гуцин.

– Ничего. Тишина.

– Титов больше здесь не появлялся?

– Нет. Кто бы мог подумать.

– А она?

– У нее здесь были регулярные занятия, насколько я знаю. Она часто приезжала.

– И вы виделись с ней?

– Конечно. Здоровались. Все как обычно.

Катя изучала его – слишком лаконичные ответы. И с мрачным выражением лица все это вроде не вяжется, вся эта показанная холодность, бесстрастность. Там еще что-то есть. В его взгляде.

– Она приходила к вам в зал исторического фехтования?

– Да, часто, но она не фехтовала. Это вообще тяжелый вид спорта.

– Иван Титов не угрожал вам после того инцидента с ножом? Не звонил? Мейлов не слал?

– Я с соцсетями не дружу, – сказал Герман Лебедев. – Это они, молодежь. Нет, все было очень тихо, спокойно. Все было так нормально. Поэтому я... мы все здесь глубоко потрясены случившимся.

– Значит, вы сейчас постоянный юрист клуба?

– Это что-то вроде подработки. Хотя здесь дел очень много. Документация, отчетность, все запущено. Банковские кредиты, долги. Я разбираюсь потихоньку. Основная моя работа в нотариальной фирме вместе с партнерами.

– Известная уважаемая фирма, – кивнул Гуцин. – На юридическом петербургском форуме ваши коллеги – частые гости.

Герман Лебедев снова кивнул равнодушно и отбросил сигарету. Когда он говорил, на его щеках возникали ямочки. Это, с одной стороны, представляло контраст с его мужественной внешностью, твердыми чертами, а с другой – лишь добавляло привлекательности.

Катя запретила себе пялиться на него вот так – в открытую...

Ах, как она понимала сейчас Анаис!

Трудно устоять.

Почти невозможно.

Даже когда он мрачен и безразличен. А когда появляется, как рыцарь, чтобы защитить вас? Когда улыбается вам? Когда закрывает вас колетом от нескромных взглядов, от позора? Крепость сдается сразу, гарнизон счастлив умереть за одну его улыбку, за одно его слово.

Он глянул на нее. Можно утонуть в этих серых глазах. Но сейчас там... что? Не поймешь. То ли дымка боли, то ли сигаретный дым.

– Хорошо. Спасибо, – сказал Гуцин. – Пока все. Если возникнут вопросы, мы к вам обратимся.

Герман Лебедев снова кивнул им. Повернулся и пошел в офис.

Они медленно побрели назад – мимо лужайки, где так и не прибавилось гостей. Но зато там сейчас выступали цирковые артисты.

Пустая поездка, думала Катя. Немного узнали мы в этой «Аркадии».

Но... все изменилось в единый миг.

Кто опять сказал, что реальность и природа не терпят повторов? Все снова повторилось. Затрещали кусты и...

Им преградила путь темная фигура. Кате померещилось, что это он... Титов восстал из мертвых и явился к ним сюда, чтобы...

Белая маска лиц, черные провалы.

В следующий миг она узнала Нелли. Та накинула на свой карнавальный костюм Белой Коломбины длинное черное пальто.

– Соловья баснями кормят, – произнесла она тихо, оглядываясь туда, куда ушел Герман Лебедев. – А лебедей... Что он вам тут наговорил. Надо же, сама сдержанность. Ничего... совсем ничего. Ну, мужики, ну, лгуны.

– Нелли, вы что, подслушивали в кустах? – спросила Катя.

– Ну, виновата. Но интересно же. Мне страх как интересно было, что он вам расскажет. И потом, ведь Анаис убили... Пусть и не подруга она мне, но... я от нее ничего, кроме добра, не видела. Она нормальная девчонка была, добрая. Пусть и дурочка влюбленная.

– А он что, нам неправду сказал?

– Он вам вот столько сказал, – Нелли жестом показала пальцами «чуть-чуть». – А про самое-то интересное умолчал.

– А что самое интересное? – Катя ощутила, что она тоже... вся захвачена предстоящими сведениями *о нем*.

– Знаете, как его тут у нас за глаза называют? – спросила Нелли. – Черный Лебедь.

– Черный Лебедь? – переспросил Гушин.

– Ага. И со всеми смыслами. Видели, какой он? У нас тут каждая вторая и из персонала, и из клиенток всех возрастов готовы... он лишь бровью поведет, они все рады на шее у него моментально повиснуть. Я сама... что лукавить... У меня только парень есть постоянный, мы живем, так что... Но и я бы не устояла, если бы он только намекнул. И никто бы не устоял, если бы он захотел. Любая бы с радостью. Но он здесь ни с кем никогда, понимаете? Никогда ничего не было. Он чувства хозяйки Аллы шадил. Может, у него на стороне баб вагон – так оно и есть, наверное, но здесь, в клубе, никогда раньше. Алла его бешено ревнует. Ей же за шестьдесят, ему сорок. У нас тут болтали...

Нелли облизнула губы, словно сладкого чего-то вкусила. Катя подумала, что патологические адские сплетницы – находка для полиции.

– У нас болтали, что она денег уйму заплатила, ну, чтобы ребенка как-то... якобы у нее где-то в Италии в клинике яйцеклетки... ну, чтобы они с Германом ребенка. Это в ее-то возрасте. Баба с катушек слетела. И он ее, наверное, шадил. Может, даже и жениться планировал. Она же так богата. Но все это было до, понимаете?

– До чего? – спросил Гушин.

– До той поножовщины. До их дуэли с Титовым из-за нее. – Нелли округлила глаза и перешла на шепот: – Она-то, Анаис, конечно, поплыла. Влюбилась в него насмерть. Но и он тоже...

– Что он? – Катя уже умирала от любопытства.

– Черный Лебедь-то наш. Тоже поплыл.

– То есть? Что вы хотите этим сказать, Нелли?

– А то, что он... это самое... Я думаю, это все потому, что он ее сиськи голые увидел в такой ситуации. Ну, когда с нее все сползло, и она стояла перед ними... перед охраной – сама беззащитность, сама невинность. У мужиков же ничего не поймешь порой. Они и сами не знают – всю жизнь уверяют себя, что им нравятся лярвы худые, красотки-модели, а потом бац... Взял и на пышке женился. Ну, как Шон Бин – хозяин Винтерфелла. Я говорю вам – он, Герман... его самого как током в той ситуации шарашнуло. Ее сиськи, соски торчком. Вообще все – и то, что он защитил ее и что ранили его из-за нее. Кровь же ручьем у него текла. И она смотрела на него так, словно умереть за него готова. А мужики сорокалетние... я где-то

читала... они в принципе не могут устоять, если девчонка моложе на двадцать лет и влюблена в них сильно. Он и не устоял.

– Это ваши догадки? – уточнил Гущин. – Умозаключения? Или есть что-то конкретное? Факты?

Нелли ухмыльнулась покрашенным ртом Коломбины.

– Я их видела. И слышала. И это произошло не сразу. Неделя примерно прошла. И он неправду вам сказал – Анаис больше в зал исторического фехтования, где он саблей махал, не приходила. Она до той стадии дошла в этой истории, когда предмет обожания уже избегают, потому что... сил уже нет. Поклоняются издали. Молча. Как божеству. А вот он... он стал приходить туда, где она занималась. Я его видела – стоит на галерее и вниз смотрит. А они там в йоге все. Или в зал для танцев тоже зайдет. Словно дела какие-то. Ну а потом... это произошло. Это самое. На моих глазах.

– Вы что, за ними подглядывали? – спросила Катя.

– За Анаис бы не стала. Смех один. Но за ним... Черный Лебедь... он всех нас тут интересуется. Я не удержалась. Это случилось там, – Нелли махнула рукой в темноту. – Она пришла на конюшни. Она ездить верхом пыталась. Ей самую спокойную конягу нашли, старого пони. Такая милота, хохма. Она стояла, ждала, пока его оседлают и выведут в падок.

Герман Лебедев подошел к ней сзади.

– Здравствуй, Анаис.

Она оглянулась. Ее лицо моментально вспыхнуло.

– Жарко было опять в тот день, – рассказывала Нелли. – А он как и сейчас – люди в черном. Он всегда в черном костюме. Или в этом своем белом колете для фехтования. Знает, что ему это чертовски идет. Но там, у конюшен, он был без пиджака – только белая рубашка и жилет от тройки. Анаис в костюме для верховой езды вся взмокла, раскраснелась.

– Здравствуйте.

– У тебя тут занятия?

– Да.

– Я не помешаю?

– Нет. Я... я давно хотела вам сказать...

– Что? – Он улыбнулся ей.

– Я хотела поблагодарить вас. За то, что вы...

– Да ну, брось. Какие благодарности. И вообще глупо получилось. Такой театр абсурда.

– Абсурда? – ее голос упал.

– Он глупый мальчишка, этот твой жених.

– Он мне не жених. Мы никогда с ним... я никогда... ничего не было!

– Забудь, Анаис, – он смотрел на нее с высоты своего роста.

– Нет, не могу, – она подняла голову. – Он вас сильно порезал?

– Ерунда.

– Он вас ранил.

– Затянулось все уже.

– Не могло так быстро зажить. Ножевая рана.

Он смотрел ей в глаза. И она смотрела в его глаза не отрываясь.

– Ну, убедись сама, Анаис.

Он медленно расстегнул на себе черный жилет от костюма-тройки, потом белую рубашку, раздвинул полы, обнажая свой накачанный торс. Слева на груди багровел порез от ножа. И он правда уже затянулся. Кожу просто рассекли, и теперь рана быстро заживала.

Анаис смотрела на рану. Потом она увидела еще один шрам на его теле – на левом боку под ребрами. Очень глубокий, но давний, давно зарубцевавшийся. Как замороженная Анаис

протянула руку и коснулась этого старого шрама. Прикосновение к его телу стало для нее почти шоком. Она и сама не могла сказать, как она осмелилась так себя вести с ним.

Лебедев замер, когда ее пальцы скользнули по глубокому шраму на его боку.

– И колет не спасает от сабельных ударов, – прошептала Анаис. – Острая сабля... Я всегда боюсь за вас, когда вы в зале. Это не спорт, это бой – колет не спасает.

– Не бойся, Анаис.

Он взял ее руку, сжал и двинул вверх, медленно скользя по своей коже – ее маленькая пухлая кисть скрывалась в его кулаке. Он положил ее руку на свежий порез. Туда где сердце. И Анаис услышала, как оно часто и глухо стучит под ее ладонью.

В этот момент конюх вывел в падок старого пегого пони, уже оседланного для урока верховой езды.

Герман Лебедев выпустил руку Анаис. Конюх смотрел на них, держа пони под уздцы.

– Анаис повернулась и пошла, – продолжила свой рассказ Нелли. – Взгромоздилась на пони. Конюх убрался назад в конюшню. Она осталась одна в загоне. А Лебедев не ушел. И даже не застегнулся – жилет только застегнул на одну пуговицу. А рубашку – нет. Так и стоял перед ней, облокотившись на ограду загона. И она... Она и ездить-то не умеет! А тут она дернула поводья, ударила старичка-пони пятками в бока и пустила его вскачь по кругу!

Пони, наверное, страшно удивился. Один круг он проскакал тяжелым галопом, а она все понукала его, неумело дергая поводья и постоянно кренясь то на один бок, то на другой.

– Ее было просто не узнать! – сказала Нелли. – Это выглядело смешно, по крайней мере для меня, я еле сдерживалась в своем укрытии, чтобы не расхохотаться громко. Но Черный Лебедь не смеялся.

Он смотрел на Анаис, на ее рыжие густые волосы, выбившиеся из-под черного шлема. Она снова дернула поводья, развернула пони и погнала его прямо в сторону препятствий – барьер, куртина подстриженных кустов, маленький ров, через который прыгали более опытные наездники. Она вскрикнула и направила пони на барьер, все понукая, подгоняя. Старый толстый пони прыгнул – там было совсем не высоко. Преодолеl препятствие, но потом неожиданно замер, уперся передними копытами, потрянул головой и... сбросил с себя наездницу.

Анаис упала на песок. Мягко, она не ушиблась. Она перевернулась и села, согнув ноги, глядя, как Лебедев идет к ней через весь загон. Секунду он стоял над ней, выпрямившись во весь свой высокий рост. Протянул ей руку. Но она словно боялась вновь его коснуться, поэтому он нагнулся и сам взял ее за руку, осторожно и бережно поднимая с песка.

Анаис поднялась. Они стояли близко друг к другу. Анаис не поднимала на него глаз, тогда он шагнул к ней вплотную. И она спрятала свое пылающее лицо на его груди.

– Храбрая, – сказал Черный Лебедь. – Ты храбрая, Анаис.

Он чуть отстранился, приподнял ее лицо за подбородок, словно желая лучше его рассмотреть. Она не сопротивлялась, ее руки безвольно висели вдоль тела. Он еще отступил, теперь разглядывая ее уже всю – как-то сбоку. Улыбнулся виновато и очень мягко. И в следующий миг легко поднял Анаис на руки.

– Ее! С ее-то весом! Как пушинку! – воскликнула Нелли. – Я тогда просто обалдела. Ну, Черный Лебедь!

Он держал ее на руках.

– Храбрая, – повторил он. – Мальчишка просто не мог в тебя не влюбиться. Узнал тебя раньше и лучше, чем я. Но теперь ты знаешь, Анаис, кое-что о страсти. О том, как это бывает на свете.

Держа ее на руках в своих объятиях, он взглянул ей в глаза. И поцеловал ее.

– Меня никто так не целовал, – нервно, отрывисто сказала Нелли. Вся напускная веселость в ее тоне, весь стеб пропал. – Даже парень мой. Это, в общем, лучше даже не видеть... потому что зависть... Я и перед лицом ее смерти скажу – она такого не заслужила. Такого

поцелуя, как тот. Он словно умирал там. Словно в последний раз. Так хотел ее. Такие поцелуи в кино только красавицам, секс-бомбам, а она ведь была...

Анаис обняла его за шею, приникая к нему, почти теряя сознание. А он, не отрываясь от ее губ, еще крепче сжал ее в своих объятиях и понес на руках из загона.

– Я за ними не пошла, – сказала Нелли. – Я просто не могла. Я вся дрожала. Я тут же парню своему позвонила. Я хотела... после того, что я увидела... чтобы он приехал сейчас же и любил меня. Чтобы мы тоже в постели... у нас ведь тоже любовь. У нас свадьба скоро. Но мы никогда вот так... как этот его чертов поцелуй! Как они... он и Анаис... Почему ей это? За что? Чем она заслужила? Толстая?!

Катя и Гушин молчали. Ждали, что она скажет дальше.

– Если он раньше нашу хозяйку шадил, то с того момента ему словно все равно стало. Он уже не мог себя сдерживать. И все выплыло быстро. Ну, то, что он и Анаис... что они спали. Хозяйке Алле, конечно, рассказали. Она примчалась. Они в офисе с Лебедевым заперлись. Наши говорят – она кричала, плакала. Она Анаис выкинуть из клуба не могла. Там же у нее платиновый сертификат. Годовой, оплаченный. Говорят, он ей от отца достался – тот у нее богач был, хоть ее мать с ним и не жила никогда. Хозяйка, говорят, и орала как мегера на Лебедева, и потом на коленях его умоляла. Не знаю, что они там решили с ним. Юристом он по-прежнему здесь работал. И Анаис в клуб приезжала. И, конечно, вне клуба они встречались. Хозяйка потом вдруг на Кипр собралась и улетела. У нее там вилла. Анаис и семью убили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.